

Евгений СУХОВ

КАПКАН ДЛЯ МЕДВЕЖАТНИКА

ЭКСМО

Медвежатник

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Капкан для медвежатника

«ЭКСМО»

2010

Сухов Е. Е.

Капкан для медвежатника / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2010 — (Медвежатник)

Король медвежатников Савелий Родионов прокололся по-крупному. Бывшая любовница Кити Вронская попросила его изъять компрометирующие материалы из банковского сейфа – а тот оказался капканом, западней. Сейф был снабжен дополнительной сигнализацией, о которой Савелий не знал. Кроме того, никакого компромата в нем отродясь не было, но хранились секретные военные бумаги, которые были кем-то похищены незадолго до взлома сейфа Савелием. Вронская попросту подставила медвежатника, которого и обвинили в краже. Впереди – каторга. Но не тот человек Савелий Родионов, чтобы заживо гнить там. Он должен вырваться на волю. И отомстить аферистке – да так, что мало не покажется...

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Сухов

Капкан для медвежатника

Часть I

АРЕСТ МЕДВЕЖАТНИКА

Глава 1

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

– Бог ты мой, Савушка, неужели это ты?

Савелий Николаевич Родионов, неуловимый Король медвежатников всея Руси, выходил из галантерейного магазина со шляпной коробкой в руке, когда его остановил этот возглас. Он невольно обернулся, и его брови от удивления сместились на середину лба:

– Кити? Екатерина!

– Она самая, – улыбнулась Кити и кокетливо выставила ножку в атласном ботике: дескать, да, это я, Кити Вронская, и никто иная.

На них оглядывались. Потому что оба были красивы и молоды, смотрелись вместе как картинка счастливой пары из модных журналов «Парижанка», «Денди» или даже «Le Trait parisien»...

* * *

Впрочем, оглядывались на них и ранее, когда, несколько лет назад, расставшись с Елизаветой, Савелий пустился с горького отчаяния во все тяжкие. Нет, надо признать, что в лютый разгул он пустился не сразу. Выжидал: может, Лиза все-таки одумается и вернется. Хотя перед этим у них состоялся довольно серьезный разговор, в результате которого случаются разного рода семейные катаклизмы, – люди бьют посуду, рвут на груди сорочки и жакеты и хлопают дверьми так, что от ударов содрогаются стены и белым дождем сыплется на головы штукатурка. Случается, и расходятся. Навсегда.

Разговор состоялся во время ужина, когда пили чай. Подлив из самовара кипятку в глубокую чашку, Елизавета поставила ее на блюдце и пододвинула Родионову:

– Я ведь уже не девочка, Савелий. Знаю, что ты любишь меня, но мне, как любой бабе, нужна определенность. Кто я тебе, вот скажи: подруга, любовница, жена?

Слова любимой женщины стегали наотмашь, так что и не увернуться.

– И то, и другое, и третье, – спокойно ответил Савелий, полагая, что у Елизаветы случился просто очередной каприз. Подобное с ними происходит, с бабами. Случалось и с Лизой. – Разве тебе со мной плохо?

– Мне с тобой очень хорошо. – Достав из пачки длинную тонкую сигарету, Лиза сказала: – Но я устала от неясности. От постоянного ожидания твоего ареста. От этой твоей так называемой «работы».

– Эта «так называемая работа» дает нам средства к существованию, – заметил Савелий. – Весьма не бедного, следует заметить.

– Вот именно, – охотно согласилась Елизавета, пыхнув дымком. – Деньги у нас есть. Есть золото, камни драгоценные, жемчуг. Почему бы тебе не остановиться на этом? Завязать. Так, кажется, говорят в вашем мире?.. Ты богат, ты победил. Ты победил их всех, Савелий!

С их департаментами, управами, прокурорами, сыскными отделениями, следователями, жандармами и филерами. Что тебе еще надо?

Когда Лиза волновалась, то курила одну сигарету за другой. Вот и сейчас, не докурив первую, потянулась ко второй.

– Ты много куришь, мне это не нравится, – сдержанно заметил Савелий. – И тебе это не идет.

Елизавета нервно потушила сигарету и продолжала все тем же взвинченным голосом:

– Ведь у тебя есть средства, чтобы купить где угодно дом, усадьбу, имение и просто жить, красиво и беззаботно. А хочешь, давай вернемся в Париж. Кажется, там тебе нравится.

Лиза замолчала и выжидающе посмотрела на Родионова.

– А с кем ты собираешься жить? – неожиданно спросил Савелий, неотрывно глядя ей в глаза.

– Ты до сих пор этого не понял? С тобой, с кем же еще, – насторожилась Лиза. – Я уже не смогу без тебя.

– Вот он я, – жестко ткнул себя кулаком в грудь Савелий. – А в той уютной и спокойной усадьбе, о которой ты так мечтаешь – с садом, цветочными куртинами и с пением соловья по майским утрам, – я буду уже совсем иным. Этот другой не будет похож на того, которого ты когда-то полюбила и, очень надеюсь, любишь и теперь. Он тебе может просто не понравиться. – Родионов быстро заходил по комнате. – Пойми ты меня, Лиза, я слеплен совершенно из другого теста. Мне нужны в жизни риск, азарт, ежедневное ощущение опасности. Может, это покажется тебе странным, но мне нужно всякий раз подтверждение того, что я – лучший в своем деле.

Приблизившись к Лизе, он заглянул ей в глаза и погладил по щеке огрубевшими пальцами.

– А без этого дела я просто зачахну.

– Да ты даже не пробовал... – не на шутку обиделась Лиза.

– А мне незачем пробовать, – ответил Савелий. – Я знаю себя лучше, чем кто-либо.

Больше Елизавета не сказала ни слова: просто собрала свои вещи и ушла, оставив на столе недопитый чай.

Через два месяца совершенно случайно он повстречал ее в Париже, в небольшом уютном ресторанчике на берегу Сены, где готовили замечательный кофе.

Елизавета была не одна, с молодым мужчиной, но, заметив сидящего в одиночестве Савелия, все же подошла к его столику. За минувшее время она стала как будто бы еще краше: корсет выгодно подчеркивал высокую грудь, а лицо округлилось и приобрело румянец.

– Здравствуй, Сава.

– Здравствуй, Лиза. Никогда не думал, что ты любишь Европу, – буркнул он, стараясь не смотреть в глаза любимой женщины, чтобы не дать утихнувшей боли распознаться в душе разъедающей солью.

– И я не думала... Что повстречаю тебя.

Савелий Родионов лишь невесело хмыкнул: не объяснять же ей, что уехал он в Париж для того, чтобы позабыть ее как можно быстрее. Окончательно!

Они немного поговорили, и Елизавета, виновато улыбнувшись, вернулась к своему спутнику. Савелий Родионов понимал, что скажи он ей: «Я тебя люблю, пойдем со мной», и она, не раздумывая, бросилась бы к нему в объятия, забыв о прежних обидах. Но Савелий молчал и глядел мимо, как если бы перевернул их общую страницу. Ведь так часто бывает, что в нужную минуту не отыскивается подходящих слов, а между влюбленными вдруг вырастает некоторая преграда, мешающая сделать главное признание: «Прости. Я не могу без тебя жить». А позже приходится страдать из-за собственной нерешительности.

По возвращении из Парижа, на одном из званых обедов, Савелий познакомился с дамой. Вернее, их представил друг другу биржевой маклер граф Игнатов, давний знакомец Савелия Родионова:

– Вот, Савелий Николаевич, позвольте представить вам Екатерину Васильевну Вронскую. Женщину, приятную во все отношениях. Правда, она чудо?

– Правда, – ответил Родионов, нисколько не лукавив, и галантно поцеловал ручку Вронской, затянутую лайковой перчаткой.

– Можете звать меня Кити, – слегка склонив головку в знак приветствия, промолвила Вронская. – Так зовут меня самые близкие друзья. И я очень надеюсь, что вы окажетесь в их числе.

– А это, – граф значительно посмотрел на Кити, – Родионов, Савелий Николаевич. Предприниматель, так сказать, и вообще... Меценат. Собиратель живописи. Художник.

– Как интересно.

– Право, граф преувеличил. Я всего лишь художник-любитель.

– Я немного слышала о вас, – улыбнулась Савелию Вронская. – Очень приятно.

На какой-то миг их взгляды задержались друг на друге, и все, что они могли бы сказать друг другу часа за два, прочиталось в их глазах за несколько секунд.

Со званого обеда Родионов и Вронская ушли вместе, под руку. Сели в одну пролетку и поехали к Савелию на Большую Дмитровку.

Ночь их была чудесна. Правда, Савелий Николаевич в экстазе страсти иногда забывался и называл Кити Лизаветой, но она вряд ли слышала сию оговорку. Такой ночи, как скажет Вронская наутро, стыдливо притянув одеяло к самому подбородку, она не испытывала никогда. Скажет так естественно, что это покажется обоим чистой правдой. Собственно, для Кити так оно, наверное, и было.

Нужно быть откровенным: Кити была женщина-праздник. Красавица и умница. И все дни с ней были настоящим и нескончаемым торжеством. Если бы не Елизавета, к которой Савелий Николаевич, казалось, прикипел намертво, он, несомненно, втрескался бы в Екатерину Вронскую по уши и остался бы с ней навсегда, отыскав семейное благополучие, а с ним и счастье. Скучать с ней не приходилось: Кити умела сделать так, что сегодняшний день не будет похож на вчерашний, а завтрашний нисколько не повторит прошедшие.

Но где-то существовала Лиза, милая его сердцу. Возможно, она была совсем рядом, и не думать о ней Родионову не удавалось. И даже когда он смотрел на Кити и разговаривал с ней, то ловил себя на мысли, что лучше бы на месте Вронской была сейчас Елизавета. Часто он отвечал невпопад, потом спохватывался, и ему становилось неловко от своей растерянности.

Да, он привязался к Кити Вронской.

Ему с ней было хорошо и радостно, как и ей с ним. Возможно, и Кити влюбилась в Родионова, насколько могут любить избалованные и пользующиеся мужским вниманием женщины.

Несколько месяцев они были вместе. А потом дела позвали Короля медвежатников в Петербург, и в поезде, соединяющем две российские столицы – старую и новую, Савелий Николаевич повстречал Лизу. Вернее, не повстречал, а Лизавета сама нашла его. Поздним вечером, когда Сава Родионов уже намеревался отправиться на боковую, в его купе робко постучали.

– Открыто, – подавляя раздражение, ответил на стук Савелий Николаевич.

Дверь медленно отворилась, и в купе вошла... Лизавета.

– Привет, – сказала она так, будто они расстались всего-то несколько часов назад.

– Привет, – ответил Савелий, тоже, как могло показаться, ничуть не удивившийся этому ее появлению.

– К тебе можно?

– Входи, – разрешил Савелий чуток сорвавшимся голосом.

Лиза вошла и... осталась.

Обратно в Москву они вернулись уже вместе. Кити, конечно, был дан от ворот поворот (он нашел всего лишь несколько минут, чтобы объясниться с ней), и она ушла из жизни Савелия Николаевича Родионова молча и с гордо поднятой головой. Екатерина не привыкла, чтобы ее оставляли из-за другой женщины, потому что прежде такого не случалось. Однако глаза ее были сухи...

* * *

– Я слышала, ты обвенчался и сделался женатым человеком, – произнесла с улыбкой Кити. – Поздравляю. – Прозвучало вполне искренне.

– Благодарю, – ответил Родионов, совершенно не зная, что делать дальше: продолжать разговор с Вронской как со старой знакомой, либо, сославшись на занятость, откланяться и уйти, как это происходит с малознакомыми людьми. Конечно, воспитание, полученное Савелием на Сухаревке, могло позволить ему просто махнуть Кити рукой на прощание и спокойно удалиться, но кровь... Кровь у Савелия Николаевича Родионова была дворянской, а посему он вежливо улыбнулся и галантно поцеловал Кити ручку. Ведь любовница – это в какой-то степени родня. Хотя и бывшая...

– Ты прекрасно выглядишь, – в ответ улыбнулся Савелий и добавил. – Впрочем, как всегда.

– А ты, как всегда, обольстителен, – не сводя с Родионова заинтересованного взгляда, сказала Вронская. – Ум-м, – она изобразила ласковое рычание. – Так и съела бы тебя.

– Меня есть не надо, – как можно спокойнее принимая ее взгляд, ответил Савелий Николаевич. – Давай я лучше угощу тебя кофеем с эклером. Хочешь?

– Хочу, – просто ответила Кити и взяла Савелия под руку. – Так куда мы пойдем?

– В кондитерскую. Не возражаешь?

– Ну что ты, там так мило!

В кондитерской публички почти не было. Они вошли и сели за столик на двоих.

– Чего изволите? – спросил прилизанный официант в белых узких брючках и белом же куцем пиджачке, похожем на фрак без фалд.

Словечко «официант», произносившееся как «официант», было новым, а вот повадки у этой категории прислуживающих остались старыми и мало чем отличающимися от манер половых в обычных трактирах. То есть наличествовала приторно-сахарная улыбка, готовность немедленно броситься исполнять заказ посетителя, неизменный пробор посередине головы с набриолининными волосами, крахмальное полотенце, переброшенное через руку, и выжидающий чаевые взгляд. А у импозантного мужчины, что пришел вместе с дамой, на которую официант даже не решался взглянуть – так она была хороша, – денежки, похоже, водились приличные.

– Что ты будешь? – обратился к Кити Савелий.

– Ты же знаешь, – ответила Вронская и положила свою ладонь на ладонь Родионова. – Если не забыл, конечно.

– Значит, так, – Савелий мягко высвободил свою руку. – Принесите для дамы кофею «Мокко» со сливками, и побольше, два бланманже «Корзиночка» и шоколадный эклер.

– Ты ничего не забыл? – тихо спросила Кити и выжидающе прищурилась.

– Ах да, – Родионов мило улыбнулся, – еще, будьте добры, рюмочку «Шато ла-Шапель» шестьдесят седьмого года.

– Две рюмочки, – поправила Савелия Николаевича Вронская.

– Две, – кивнул официанту Родионов. – Мне принесите чай зеленый номер шесть, бисквит «Земляничный» и бокальчик лафиту. Да, не забудьте жареных каштанов (на что Кити кивнула головой и благодарно улыбнулась) и фруктов.

- Это все? – спросил официант.
- Это все, – ответил Савелий.
- Сей секунд.

В момент заказ был исполнен. Некоторое время сидели молча. Савелий попивал зеленый чай, а Кити, пригубив «Шато», увлеклась бланманже.

Слеза, которая выкатилась из глаз Кити после второй рюмочки «Шато ла-Шапель», была полной неожиданностью для Савелия Николаевича. Чтобы гордая и непоколебимая Екатерина Вронская вдруг ни с того ни с сего по-женски, нет, по-бабы всплакнула? Невероятно...

– Что с тобой?

– Ах, – отмахнулась она, – не обращай внимания.

– Со мной сидит дама и плачет – как я могу не обращать внимания? – поднял брови Родионов. – Тем более такая красивая.

– А ты, Савушка, все равно не обращай внимания, – пытаюсь скрыть мелькающие в ее глазах боль и страх, произнесла Кити. – В конце концов, кто я тебе?

– И все же? – продолжал допытываться Савелий.

Вронская подняла на Родионова заплаканные глаза, и Савелий заметил в них тщательно скрываемые искорки боли и страха.

– Говори, – почти приказал он. – Ты же знаешь, что ты мне не чужая.

– Хорошо.

Молодая женщина достала кружевной платочек и промокнула глаза. Когда она отняла платок от лица, Савелий Николаевич увидел прежнюю Кити: своевольную, неуправляемую и независимую. Именно такую, в которую он когда-то был влюблен.

– Скажу честно, когда ты оставил меня, я очень переживала, – начала Кити. – Виду, конечно, не показывала, но поверь, мне было очень и очень больно. Нет, я тебя не виню, – тотчас произнесла Вронская, заметив, что Родионов посмурнел. – Понимаю, старая любовь не ржавеет, и все такое прочее. К тому же вы с Елизаветой Петровной очень друг другу подходите... – Она мягко улыбнулась. – Правда. Я говорю искренне. Так вот: мучилась я долго, даже лечилась гипнозом у доктора Мейермахера. Не помогло. Увлеклась кокаином. Тоже не помогло. И тут вспомнила народную поговорку про клин. Как это: чтобы выбить клин, нужен...

– Клин клином вышибают? – помог Кити Савелий Николаевич.

– Да, точно, – благодарно посмотрела на Родионова Вронская. – Ты, Савушка, всегда меня понимал... Ну так вот: решила я выбить клин клином и найти тебе достойную замену. Думала, понравится кто-нибудь, и забуду про тебя. Очень мне этого хотелось. Сошлась с одним известным актером. Месяц были вместе. Но забыть тебя не удалось, и мы с ним расстались. По моей инициативе. Он очень злился, преследовал меня, грозился ославить на весь свет. А потом меня нашел этот самый «клин». На Рождественском балу в Дворянском собрании прошлой зимой. Звали его Борис Яковлевич Заславский. Слышал о таком?

Савелий Николаевич утвердительно кивнул. Конечно, он знал, кто такой Борис Яковлевич Заславский. Потому как люди его профессии не могут не знать управляющих банками. Тем более что банк этот – Императорский Промышленный, богатейший не только в России, но и во всей Европе.

– Разумеется. Заславский фигура в финансовом мире.

– Мне, конечно же, это льстило, – продолжала рассказ Кити. – К тому же он был невероятно хорош собой, атлетичен и еще молод...

– Ну, где же молод? – не согласился с Вронской Савелий Николаевич. – Ему уже за пятьдесят.

– Важно совсем не то, сколько мужчине лет, – наставительным тоном произнесла Кити. – Важно, сколько лет мужчине внутри. В душе. И на сколько лет он сам себя ощущает... – Врон-

ская пару секунд помолчала. – Вот тебе, к примеру, никогда не будет больше двадцати двух–двадцати трех лет. В душе, конечно.

– Почему именно двадцати двух–двадцати трех? – поднял брови Савелий Николаевич.

– Потому, – отрезала Кити. И уже мягче добавила: – Потому что я так чувствую.

– Я-асно, – протянул Савелий, стараясь скрыть некоторое недоумение. Видно, она знала, о чем говорила.

– Ничего тебе не ясно, – буркнула в ответ Вронская. – Дальше будешь слушать?

– Буду, – кивнул головой Родионов.

– Ну так вот... – Какое-то время Екатерина сидела молча, очевидно, собираясь с мыслями. – Одним словом, я увлеклась Заславским. А он увлекся мной. Мы стали встречаться, а поскольку он был женат, то встречи эти происходили... В меблированных комнатах. Чего греха таить! Чаще всего мы встречались в номерах Белоярцева на Сретенке. А потом...

Екатерина Вронская как-то по-девчоночьи шмыгнула носом и вдруг замолчала.

– Договаривай, раз уж начала, – сказал после недолгого молчания Савелий Николаевич.

Кити кивнула:

– Хорошо, я скажу. – Было заметно, что ей трудно говорить. – Потом... А потом этот актер, с которым я встречалась ранее, нашел меня и показал мне несколько фотографических карточек и письмо...

– На карточках была ты и Заславский? – догадался Родионов.

– Да, – убито произнесла Кити. – Как мы входим в номера, как целуемся. Была даже одна, где я, – она перевела дух, – стою перед Заславским в neglige. Меньше, чем в neglige...

– М-мда-а, – протянул невесело Савелий Николаевич. – И каким образом у этого актера очутились такие фотографические карточки?

– Он нанял частного сыщика, чтобы следить за мной, – уже успокаиваясь, ответила Кити. – Тот и сфотографировал нас. Он же выкрал из бумаг Заславского мое письмо к нему.

– Тут и до арестантских рот недалеко. Это уже подсудное дело, – заметил Родионов.

– Подсудное, – согласилась безрадостно Екатерина Вронская. – Да только суда никакого не будет. Вообще, огласка этого дела может сильно скомпрометировать Заславского. И, конечно, меня. А нам обоим, как ты сам понимаешь, это крайне нежелательно.

Кити как-то жалко посмотрела на Савелия и добавила:

– Ты понимаешь?

Родионов задумчиво кивнул и спросил:

– А что за письмо выкрал сыщик?

– Мое письмо, которое я написала Заславскому, где я... В общем, это было любовное послание. – Качнув плечиком, добавила: – Обыкновенное письмо, какое женщина может написать любимому мужчине. В нем же я предлагала место и назначила время для нашей будущей встречи. Судя по интерьеру, именно там и были сделаны фотографические карточки.

– Ясно, – коротко ответил Савелий Николаевич. – Частный сыщик очень хорошо подготовился.

– Это еще не все, – Вронская с надрывом вздохнула. – Не далее как вчера этот негодяй нашел меня и предупредил, что если я не брошу Заславского и не вернусь к нему, он «отпустит в общество компрометаж». То есть предаст огласке наши с Заславским отношения, подтвердив их наличием моего письма и фотографических карточек. Сроку на раздумье он дал мне всего три дня. Так что послезавтра, если я, конечно, не выберу полную компрометацию себя в свете – что означает мой конец и конец карьеры Заславского и его личной жизни, – я снова стану любовницей этого мерзкого актера. Подставить Заславского я не могу, так что, похоже, мне придется согласиться на условия этого подонка.

– Вот негодяй, – громко и с чувством произнес Савелий.

К Кити он не испытывал никаких особых чувств. Все было сложнее. В его жизни теперь присутствовала лишь одна женщина – Елизавета. Его Лизавета. Лизанька. Однако позволить какому-то мерзопакостнику шантажировать женщину, с которой он был некогда близок, пусть и случайным образом, Савелий Родионов тоже не мог.

Похоже, его дворянская кровь сказывалась и здесь.

– Ну что, я ответила на все твои вопросы? – обреченно спросила Вронская.

– Нет, не на все, Кити, – ответил Савелий Николаевич, очевидно, принявший какое-то решение.

– А что ты еще хочешь узнать? – спросила Кити, и в ее глазах мелькнула надежда.

– Я хочу узнать, где актер хранит свой компрометаж, – негромко произнес Родионов.

Вронская пристально посмотрела ему в глаза:

– Ты хочешь... Нет, – отрицательно покачала она головой. – Это невозможно!

– Не решай за меня, – твердо сказал Савелий Николаевич. – Я считаю, что это будет правильно.

– Я не хочу, чтобы ты рисковал из-за меня. – Екатерина сделала неуверенную попытку подняться, чтобы уйти.

Родионов остановил ее мягким прикосновением:

– А я буду рисковать не только из-за тебя, но и из-за себя тоже, – ответил он.

– Что это значит? – удивленно подняла бровки Кити.

– Это значит, что я не люблю шантажистов, – ответил Родионов. – Так где же этот мерзавец хранит компрометаж?

– Ты не поверишь, – тихо промолвила Кити.

– Поверю. Говори.

– В Императорском Промышленном банке.

– Что?! – Брови Савелия Николаевича невольно вскинулись вверх.

Вот это новость!

– Именно, – ответила Кити. – Мне кажется, этим самым он провоцирует Бориса... – Вронская запнулась и поправилась: – Бориса Яковлевича совершить какой-нибудь противозаконный проступок – скажем, вскрыть сейф и уничтожить письмо и фотографические карточки, – и тем самым окончательно подорвать его репутацию и отомстить мне.

– Возможно, – согласился после некоторого молчания Савелий. – А что за сейф?

– Сейф самой новейшей конструкции, как сказал мне Борис... Яковлевич. С электрическим замком и сигнализацией.

– Ты сможешь сегодня достать мне план банка и схему сигнализации? – задумчиво спросил Савелий.

– Что касается схемы, это вряд ли, – нахмурила брови Вронская. – Она находится в секретном отделе, доступ в который обязательно фиксируется службами, даже если туда войдет генерал-губернатор. Мы поступим проще: я попрошу Бориса Яковлевича, чтобы он ее отключил.

– А он согласится? – спросил Савелий Николаевич.

– Если попрошу я, то – да.

– А план банка? – деловито произнес Родионов, уже решив, что возьмется за это дело.

– План банка тебе тоже не понадобится.

– Почему? – удивился Родионов. – Перед делом я всегда тщательнейшим образом...

– Потому что сейф, где лежит компрометаж, – перебила Савелия Кити, – находится в личном кабинете управляющего.

– Право, неожиданно. Почему же у него? – еще больше удивился Савелий.

– Потому что кабинет управляющего тоже является составной частью банка. За подобную услугу с клиента берут дополнительную плату.

– Понятно. И Заславский на это согласился? – удивлению Родионова не было границ. – Ведь он мог бы отказать в услуге, сославшись на какую-нибудь вескую причину.

– А куда ему деваться? – Кити отхлебнула глоточек уже остывшего кофею. – Этот поддон поднял бы такой шум! Мол, государственное предприятие отказывает в законном праве своему гражданину!

– Тоже верно.

– А когда стали бы разбираться, за что же известный и заслуженный актер получил отказ, то он наверняка пояснил бы, почему управляющий не берет его бумаги на хранение и что это бумаги...

– Да-а, обложил он вас, – невесело заметил Родионов.

– Не то слово, Савушка. – Кити Вронская снова отхлебнула кофе и ласково посмотрела на собеседника. – Только прошу тебя, подумай еще раз, прежде чем возьмешься за это дело. Надо ли тебе это... К тому же у тебя слишком мало времени...

– Я уже подумал, – ответил Родионов.

– Что ж... – Лицо Кити приобрело странное выражение, которого Родионову за время их общения видеть не приходилось: ее как будто бы распирала какая-то неловкость. – Ты сам предложил... это сделать... даже не знаю что и сказать.

– Не нужно ничего говорить, – сдержанно заметил Савелий. – Для меня это не составит особого труда.

Вронская вдруг засобиралась, словно куда-то опаздывала:

– Прости, но мне пора.

– Мне тоже, – сказал Савелий Николаевич, поднимаясь.

Когда они вышли из кондитерской и попрощались, собираясь разойтись, Кити вдруг прижалась к Родионову:

– И еще...

– Слушаю тебя, Кити, – встретился с ее взглядом Савелий.

– Спасибо тебе, Савушка... Надеюсь, что я как-нибудь сумею отблагодарить тебя.

Глава 2

КАПКАН

Мамай сильно горячился. Таким взбудораженным Савелий Родионов видел своего старого товарища и телохранителя крайне редко, потому не перебивал, давая выговориться. А Мамай, как это случалось нередко, в выражениях не стеснялся...

– Билят! Ни наты тута хатить! Пoviaжyтэ, как пить тать! Гатовица натэ толга, а не атин-тень. Гыте итэ витано, ипона мать, штобэ такэ, с бухтэ-барахтэ, банык ити бырать!?

– Ты все сказал? – спросил Савелий хмуро, когда Мамай закончил свою яркую и образную речь.

– Нету.

– Тогда говори дальше, я послушаю.

– Пыредчувствие у миня, билят.

– Предчувствие?

– Ага. Тавай не пайтем?

– Надо, Мамай, я обещал.

– Тавай, щерез тыве нители пайтем, рас тебе натэ.

– Через две недели будет поздно.

– Ай, шайтан-баба, не сылушай и-йе! Хитрый она, сибе на уме...

– Я уже все решил, Мамай, – твердо сказал Родионов.

– А сикнализасия? – не унимался старый товарищ.

– Она будет загодя отключена... Ну все, Мамай, решай: ты со мной или нет?

– Сы тобой, канишнэ.

– Вот и ладно, – улыбнулся Савелий. – Тогда эту тему объявляю закрытой...

Не желая успокаиваться, Мамай еще не раз поворчал в тот день, недовольно вздыхал и делал кислую мину, когда речь заходила о сейфе в кабинете управляющего Промбанком. Но, коли хозяин решил, что же еще остается слуге? Единственно – подчиняться.

Брюзжал он и на следующий день, тянувшийся очень долго, как и всякий день перед большим и ответственным делом. Поздним же вечером, когда были закончены все приготовления, он перестал ворчать и замолчал, будто набрал в рот воды. Размыкал уста только в том случае, когда с ним пытался заговаривать Савелий, да и то отделялся лишь односложными словами: «Та», «неты». Лоб Мамаю был собран в длинные изогнутые морщины: он размышлял о чем-то серьезном.

В час тридцать преступная парочка – элегантный высокий молодой человек с саквояжем в руке и кряжистый широкоплечий татарин в полосатом халате – двинулась на дело.

Правда, слово «преступная» на сей раз не совсем соответствовало действительности: все-таки медвежатник и его сподручный шли на дело благородное, даму от конфуза выручать да гадского шантажиста лишить возможности пакостить. Однако, что ни говорите, а противозаконное проникновение в Императорский банк и подлом сейфа управляющего – дело все же подсудное и правопорядок нарушающее...

* * *

В два часа десять минут, аккуратно, без царапинки вскрыв фомкой дверь запасного выхода, Родионов проник в здание банка.

Сигнализация, как и было обещано, молчала.

Мамай сидел в пролетке в полуквартале от Промбанка, выряженный под «ваньку», который уже невесть сколько времени ждет подвыпившего хозяина. Для чужих глаз он беспробудно почивал, безвольно уронив голову на грудь; в действительности он зорко следил за всеми возможными подходами к банку, по-другому, «стоял на шухере».

Час был поздний, прохожих на улице не наблюдалось, а узкий переулок, в который выходил запасный выход Императорского Промышленного банка, и вовсе погряз в беспросветной темноте, что было Савелию Родионову только на руку.

Войдя в банк, Савелий Николаевич первым делом осмотрелся, вслушался в тишину и, не распознав ничего настораживающего, перекинул свой незаменимый саквояж из левой руки в правую. Этот саквояж, похожий на саквояж земского врача, был при Родионове с незапамятных времен. Когда-то в нем лежали лишь дрель с набором сверл, отмычки и банальная фомка. Теперь же в поношенном саквояже из свинячьей кожи имелись молоток с заостренным концом, ручной электрический фонарик и пристегнутые кожаными ремешками дрель новейшей конструкции и небольшая хромированная фомка.

Набор сверл особо твердого сплава лежал в специальном кармашке. В других отделениях покоились две масленки, разной толщины и загнутой хромированные крючочки – некоторые из них походили на вязальные спицы, – отвертки, стамески, пассатижи и кусачки, а в чехле, застегнутом на клапан, лежал самый что ни на есть настоящий врачебный стетоскоп. Респиратор, байковая ветошь, небольшой керосиновый фонарь и перчатки лежали на дне саквояжа, а под ними... Впрочем, инструмент, что лежал на самом дне столь замечательного саквояжа, кроме крохотной ножовки по металлу в специальном чехольчике, и вовсе не имел наименований и проходил в уголовном мире под общим названием – отмычки.

В четверть третьего Савелий Николаевич подошел к высокой резной двери со львами и прочими тиграми и с табличкой, гласящей о том, что за ней находится кабинет управляющего банком. Несколько секунд постоял, прислушиваясь, но, кроме стука собственного сердца, ничего не услышал. А сердце билось точно так же, когда он, Савелий Родионов, впервые решился на подлом банка или же, опять-таки впервые, пришел на свидание с девушкой. И то, и другое было столь давно, будто произошло в какой-то иной жизни, которой Савелий жил еще до своего рождения. Так ему сейчас казалось...

Он осмотрел дверной замок и усмехнулся.

До чего же беспечны люди! Даже управляющие банками. Нет чтобы поставить новейшие английские замки, запирающиеся не на язык, а на засов специальным ключом с вываливающейся из него планкой, которая при повороте ключа и двигает засов в нужном направлении. С таким замком надо еще повозиться, просверлить несколько отверстий, затем выбить его из пазов, а этот...

Савелий открыл саквояж, достал из него два крючочка, вставил один в замочную скважину и повернул. Второй крючок, потоньше, он вставил в скважину замка не на всю длину, а на треть и одновременно повернул крючки по часовой стрелке. Почувствовал, как крючки зацепились за собачку, на которую нужно было лишь слегка надавить. Замок щелкнул и открылся.

Нужный ему сейф стоял в стенном углублении за решетчатой стеной, закрытой как раз на английский замок новейшей конструкции. Закрывался этот замок не на язык, а на засов, а ключ у него был в форме фигурного штыря. Система у замка была следующая: когда ключ полностью входил в замочную скважину, приделанная одним концом к ключу пластина вываливалась и, при повороте ключа, вдвигала засов в замок. Зря он, стало быть, обвинил Заславского в беспечности. Правда, на сей хитрый замочек имелся у него собственный ключик, но когда четыре года назад он столкнулся с таким запором впервые, то возился с ним минут сорок, не меньше...

Четыре минуты, и решетчатая дверь была открыта. Савелий Николаевич подошел к сейфу. На первый взгляд в нем не было ничего особенного: такие сейфы, запирающиеся

замками с цифровыми кодами, сотнями, если не тысячами производила известная немецкая фирма «Крауф и сыновья». Такой вот сейф он вскрыл за четырнадцать минут три года назад, когда брал в Казани корону императрицы Екатерины Великой. Потом еще дважды ему попадались подобные сейфы, вскрытые, соответственно, за девять и семь минут.

По укоренившейся привычке, Савелий Родионов какое-то время присматривался и ходил возле сейфа, описывая своеобразные круги и как бы примериваясь, в какой бок вцепиться этому стальному зверю. И чем больше ходил, тем сильнее росла в нем уверенность, что сейф этот вовсе не простой. Иначе и быть не могло: не стоял бы он тогда в специальном зарешеченном помещении, в которое можно было попасть, только преодолев кабинет управляющего.

Сейф был трудный, спаянный из сверхпрочной стали, – «немец», одним словом, добротная работа: к тому же он имел солидную репутацию – крауфское клеймо. Вряд ли такие сейфы выпускались тысячами и даже сотнями. Скорее всего, изготавливались они очень умными головами под специальный заказ, в качестве штучного товара, потому что замок оказался невероятно хитрый. Во всяком случае, прежде с такими головоломками Савелию Родионову сталкиваться не приходилось.

Пять запоров, закодированных цифрами! Пять вращающихся зубчатых дисков, вделанных в толстенную бронированную дверь, с цифрами от нуля до девяти. Это означало, что надо вычислить пять цифр кода, одну за другой, и лишь тогда замок откроется. Хотя, кто его знает... У сейфа может оказаться еще какой-нибудь затейливый секрет.

Однако глаза боятся, руки делают.

Король медвежатников, не раздумывая, достал керосиновый фонарь, зажег его, подкрутил фитилек до минимума, так, чтобы были видны лишь цифры на дисках, и высвободил из чехла стетоскоп. Это на данном этапе был самый необходимый инструмент. И еще его собственные пальцы. Недаром же он натирал перед каждым делом подушечки пальцев надфилем, как какой-нибудь шулер, чтобы они были чувствительны к прикосновениям.

Первое, что нужно сделать при вскрытии сейфов с цифровым кодом, так это привести беспорядочное положение дисков с цифрами, какое оставил хозяин сейфа, в стройную систему, от которой потом следует начинать вскрытие замка. Савелий Николаевич стал подкручивать диски так, чтобы напротив риски в корпусе стояли одни нули. Ведь любое дело, даже самая жизнь, начинается с нуля, а уж подлом сейфа – тем более.

Затем пошел в ход стетоскоп. Родионов приставил его раструбом к дверце сейфа и вдвёл два других конца в уши. Теперь он стал похож на лекаря не только наличием саквояжа, похожего на врачебный, но и самым что ни на есть докторским инструментом. Взявшись за первый диск, Савелий стал медленно вращать его, прислушиваясь к звукам, которые усиливал стетоскоп.

И он услышал едва различимый щелчок, когда поставил против риски на стенке сейфа цифру «два».

Родионов удовлетворенно кивнул и прошептал:

– Двойка... Это уже кое-что.

Затем он стал мягко и медленно вращать второй диск, и ожидаемый легкий щелчок прозвучал на цифре «восемь».

– Восьмерочка...

Савелий взялся за третий диск:

– Тройка...

Четвертый:

– Еще одна восьмерка...

Пятый.

Родионов вкруговую прокрутил диск, но никакого щелчка не услышал.

– Что еще за черт?! – выругался он вслух и подкрутил фитилек керосиновой лампы. Стало светлее, и Савелий смог лучше различать цифры на последнем, пятом диске.

Что же тут имеется? Пальцы аккуратно вновь взяли за диск и принялись понемногу вращать. Ноль... Единица... Двойка... Тройка... Пока ничего.

Капелька пота неприятно поползла от виска к подбородку.

Четверка, пятерка, шестерка...

Тишина...

Родионов так напряг слух, что, казалось, смог бы услышать, как кровь бежит по артериям к сердцу и обратно. Но щелчка не было слышно, не было даже намек на какой-то шорох.

Семерка, восьмерка...

Тишина!

Дьявол их побери!

Девятка... Ноль...

Стоп, «ноль» он уже набирал. Стало быть, пошел уже по второму кругу. Не годится! Что бы это могло значить? Может, стоит попробовать с ключом?

Савелий достал тонкую узкую стамеску и вставил ее в отверстие замка. Затем в оставшуюся узкую щель он просунул похожую на спицу отмычку и мягко повернул.

Замок не открылся.

Он набрал на пятом диске «единицу», снова повернул стамеску со спицей и потянул за рукоять двери.

Опять не то.

Савелий выставил против риски цифру «три» – дверца сейфа не пожелала открываться.

Тогда, зная по опыту, что если перебирать в коде все цифры, то нужная окажется обязательно последней, Родионов набрал на последнем диске «девятку». После чего, затаив дыхание, повернул в замке отмычки и бережно потянул дверь сейфа на себя.

Дверь стального хранилища держалась мертво, как если бы вросла в проем.

Смахнув капельку пота, повисшую на подбородке, Савелий Николаевич шумно выдохнул и набрал на пятом диске «восьмерку».

Опять не годится!

Может, «семерку»?

Черта с два, опять не получилось!

«Шестерку» и «пятерку» он набирал уже по инерции и без всякого ожидания успеха: предчувствовал, что нужная цифра – «четыре».

Так оно и оказалось. Когда он выставил «четверку» на пятом диске и повернул в замке отмычки, дверца сейфа отошла от корпуса на два пальца. Савелий облегченно вздохнул.

И тут же... зазвучала сирена.

Звук был громкий, пронзительный, похожий на завывание сторожевых катеров, когда они начинают гонку за обнаруженным нарушителем, вторгнувшимся в приграничные воды. Это было столь неожиданно для Савелия, что он на мгновение застыл.

Как?

Почему сработала сигнализация?

Что теперь делать?

Ступор продолжался недолго. Дело, за которым он пришел в банк, надлежало довести до конца.

Родионов одним рывком распахнул дверцу сейфа и стал шарить руками по полкам. Но ни фотографических карточек, ни письма нигде не было. В сейфе вообще ничего не было, он был совершенно пуст, как бакалейная лавка, арестованная за долги. Может, сейф с двойным дном? Постучав по металлическим стенкам, он убедился, что за ними только каменная кладка.

В растерянности Савелий Николаевич огляделся по сторонам: может, здесь есть еще какой-нибудь сейф, потайной, который он не приметил? Может, Кити ошиблась в чем-то?

А потом понял все: Кити Вронская ни в чем не ошибалась. Обманулся он, поверив в ее искренность и на правах старинного друга предложив ей свою помощь.

Он угодил в капкан! Железный, крепкий, из которого выхода не существовало. Его провели, как неискушенного мальчишку, как доверчивого простофилю. Теперь ему оставалось только спеть ослиную песенку, потому что он самый настоящий осел.

А славно его развели, черт побери!

Красиво и очень умно – ничего не скажешь – отомстила ему Вронская за его измену. Хотя почему же за измену? Он ей ничего не обещал, в вечной любви тоже не клялся, руки и сердца никогда не предлагал и даже не помышлял об этом. Их отношения были обыкновенными и мало чем отличались от тех, что зачастую связывают мужчину и женщину: просто встретились два человека, некоторое время пожили под одной крышей, а потом разошлись безо всяких обязательств.

Так за что же она его так? Может, это и правда какая-то нелепая ошибка?

По коридору уже слышался топот множества ног. Не иначе как полицейские торопятся.

Бегите, господа, хватайте злоумышленника! Сейчас его будут брать, как они полагают, с поличным. А у него ничего нет. Где это «поличное», господа полицианты? Ведь он ничего не взял. И единственное, что они могут ему инкриминировать (вот ведь словечко-то какое похабное выдумали), так это незаконное вторжение в здание банка с целью...

«С какой целью, господа? – Савелий невольно усмехнулся. – Цели никакой нет, увы. Разве только, единственно, с целью... нездорового любопытства... Побаловаться, так сказать».

* * *

– Свободен? – раздалось рядом.

Мамай поднял голову, оглядывая подвыпившего прохожего.

И как это он его не заметил? Вырос, будто гриб, прямо из земли. А ведь он, как и велел Савелий Николаевич, сидел и глаз не спускал с дороги. Старость, что ли, подкрадывается к нему тихой сапой? Или он все же задремал слегка?

– Нету. Хузяина житу.

– Да ла-адно, под-двези-и, чего тебе сто-оит, – стал канючить прохожий. Котелок у него сбился на затылок и едва держался на голове. Ноги выдывали кренделя, а язык заплетался. – Зде-десь недалеко-о-о... Рубле-евик заплачу.

«Рублевик»... Да он сам мог дать этому гуляке не то чтобы рублевик – сотенную. Лишь бы он отвязался...

Тем временем прохожий вознамерился забраться в пролетку и уже занес ногу. Мамай, уже озлясь, наклонился к нему:

– Тибе, бият, рускимэ языком сыказано: нукута ни паэту, занятэ, хузяина жи...

Договорить ему не удалось: гуляка, совершенно неожиданно для крепко подвыпившего мужчины, точно и резко ударил его в висок чем-то металлическим, зажатым в ладони. Мамай коротко ойкнул и стал медленно вываливаться из пролетки.

– Да сиди ты, сиди, – совершенно трезво произнес прикидывавшийся гулякой мужчина в котелке и устроил Мамай так, чтобы тот устойчиво сидел на своем кучерском месте. Ну, уснул человек, притомился, хозяина ожидаючи.

С кем не бывает?

Глава 3

ВАС ЖДЕТ КАТОРГА!

Топот ног был совсем близко. Казалось, что от их грохота сотрясались даже стены.

Савелий вышел из комнаты-клетки в кабинет управляющего, сел в его кресло и закурил взятую из сигарной коробки сигару. Настоящая «Гавана». Почему бы не получить удовольствие, хотя бы напоследок!

Родионов выпустил прямо перед собой колечко дыма и удобнее расположился в кресле. Так что, когда охранники банка и полицианты во главе с помощником полицеймейстера Самойленко ворвались, запыхавшись, в кабинет управляющего, их встретили голубоватое облачко дыма и добродушная улыбка Савелия Николаевича.

– А я уж, было, заскучал, господа, – тоном капризного повесы произнес Родионов, добродушно оглядывая блюстителей закона и благочиния, словно он был на какой-то светской вечеринке, а не за миг до арестования. – Что так долго? Куда же вы запропастились?

Самойленко в ответ только хмыкнул, а остальные полицейские во все глаза смотрели на знаменитого медвежатника, словно перед ними был артист Петр Оленев, Мамонт Дальский или на худой конец комик синематографа Макс Линдер.

– Вот, господа, – Савелий развел руками, будто сам удивлялся происходящему, – сам не понимаю, как я оказался здесь. Затмение какое-то нашло, ей-богу. Представляете, – он доверительно посмотрел на Самойленко, – час назад я еще находился дома, а потом память выключилась, и вот я уже здесь и вижу вас. Наверное, это какая-то странная болезнь. Кажется, лунатизм называется?

– Господин Родионов изволит шутить, – с ехидной улыбкой подвел итог разглагольствованиям знаменитого медвежатника помощник полицеймейстера Белокаменной. – Ну да мы к его шуткам привычные. Его право. Пытается объяснить свое появление в банке следствием болезни, именуемой лунатизмом. Дескать, сам не понимаю, как это случилось, потому как находился в состоянии сомнамбулизма. – Самойленко снова усмехнулся и в упор посмотрел на Савелия Николаевича. – И дверь банка вы открыли, не ведая, что творите, и сейф вскрыли, также находясь в лунатическом беспамятстве? Я так понимаю?

– Именно так, сударь, – с жаром отозвался Родионов, воодушевленно глядя на Самойленко. – Как вы, господин коллежский советник, правильно все понимаете. Благодарствую. – Савелий поднялся с кресла и протянул для пожатия руку.

Помощник полицеймейстера на протянутую руку не обратил никакого внимания. Нахмутив брови, он пристально посмотрел на Савелия Родионова и произнес официальным тоном:

– Перестаньте валять ваныку, господин Родионов. – Самойленко еще круче нахмурил брови, давая понять, что он не намерен шутить. – Или, как там говорят в вашем мире: гнать дурку. Этот номер у вас не пройдет. Теперь вы на каторгу отправитесь надолго! Это я вам обещаю! Вы даже представить себе не можете, как долго я ждал этого момента.

– Почему вы мне не верите? – с явным любопытством произнес Савелий Николаевич, опустив руку. – Ведь я говорю чистейшую правду.

Помощник полицеймейстера с интересом глянул на маститого вора и обернулся:

– Господин Заславский!

«Вот так номер, – молнией промелькнула в голове Родионова мысль, не предвещающая ничего хорошего. – А управляющий почему так быстро здесь оказался? Неужели все-таки подстроено?»

На окрик помощника полицеймейстера вошел крепкий мужчина.

– Позвольте вам представить, – помощник полицеймейстера был сама галантность, – управляющий Императорским Промышленным банком господин Заславский Борис Яковле-

вич, статский советник. А это, – Самойленко полуобернулся в сторону Савелия Николаевича, – господин Родионов, известный в определенных кругах вор-медвежатник. Вы в курсе, Борис Яковлевич, что значит «медвежатник»? – спросил Заславского помощник полицеймейстера.

Савелий Николаевич никогда не видел Заславского, потому посмотрел на него с интересом. Все-таки любопытно было узнать, каким мужчиной после него серьезно увлеклась Кити Вронская.

Борис Яковлевич и правда выглядел атлетичным, наверняка занимался гимнастическими упражнениями, был подтянут и казался моложе своих пятидесяти двух лет. На крепком лице никаких морщин, что могли бы свидетельствовать о порочном образе жизни. Он был худощав, но не худ, высок, но не длинен, строен, но не тонок, и, глядя на него со спины, можно было попросту принять его за «молодого человека»; если б не густая седина на висках, его можно было бы назвать также молодым человеком, глядя на него в профиль. Савелий как раз смотрел на него сбоку и был вынужден признать, что Заславский хорош. Он благоухал французским одеколоном, одет безукоризненно, с изыском, одновременно было выдержано чувство меры. Настоящий денди. Кити всегда предпочитала именно таких породистых мужчин. Вот только когда же он успел так элегантно приодеться, поправить после сна прическу и быть свежим и выбритым, ежели сигнал тревоги прозвучал не более десяти минут назад?

Странно, однако.

– О, да, – мягко улыбнулся управляющий, посматривая на Савелия Николаевича с легкой усмешкой, – уже в курсе. Медвежатник – это вскрыватель сейфов и несгораемых шкафов.

– Точно так-с, – произнес Самойленко. – Тогда, Борис Яковлевич, поскольку в вашем кабинете находится этот вскрыватель, у меня к вам настоятельная и вполне объяснимая просьба: будьте столь любезны, посмотрите, не пропало ли у вас что-либо?

Заславский кивнул и по-хозяйски прошел в кабинет. Бегло осмотрев его, он прошел в зарешеченную комнату и подошел к раскрытому сейфу. Наклонившись, он целую минуту смотрел в его пустое нутро. Затем выпрямился и произнес:

– Сейф пуст.

Голос его дрожал, лицо покрыла матовая бледность.

– Вы уверены? – спросил Самойленко.

– Еще бы! – воскликнул Заславский. – Совершенно пуст! Вы сами можете в этом убедиться!

– Тогда поведайте нам, – помощник полицеймейстера сказал это торжественно, будто говорил речь на каком-нибудь званом обеде или именинах, – что находилось в данном сейфе, чего теперь вы в нем не обнаружили?

– Я не знаю, – явно волнуясь или желая сделать вид, что сильно потрясен случившимся, начал управляющий, – можно ли говорить об этом в присутствии стольких посторонних людей, которые, которым...

– Говорите, – перебил его Самойленко, – здесь нет посторонних, а есть служители благочиния и порядка. Кроме того, – голос его приобрел железные нотки, – всю ответственность я беру на себя.

– Хорошо, – голос Бориса Яковлевича по-прежнему дрожал, – в сейфе находились... весьма ценные бумаги, представляющие... государственный интерес.

– То есть секретные бумаги? – спросил Самойленко, дабы подчеркнуть ценность пропавших бумаг.

– Да, – убито ответил Заславский.

– Поэтому они и находились в этом сейфе? – указал на сейф за решетчатой стеной помощник полицеймейстера. – В особой комнате за вашими личными апартаментами?

– Разумеется!

Самойленко победным взглядом обвел присутствующих и остановил взор на Савелии Николаевиче:

– Вы слышали, господин Родионов? – вкрадчиво спросил помощник полицеймейстера. – Украденные вами бумаги были секретными и представляли «государственный интерес». А это значит, что вы совершили не просто кражу, а преступление против государства, что, естественно, карается намного строже, чем простое противозаконное деяние. Каторга вам светит, милейший Савелий Николаевич. Каторга в кандалах! А такое немногие выдерживают. Если и снимут с вас кандалы эдак лет через пять, то вы уже превратитесь в жалкую развалину, ни на что не годную. И от вашего напускного блеска останется только пшик!

Самойленко говорил с такой непоколебимой убежденностью и непреклонной решимостью, что у Родионова тупо засосало под ложечкой. Какое-то время он молчал, собираясь с мыслями и стараясь держать на лице беспечное выражение, а потом произнес:

– Значит, пропали какие-то секретные бумаги?

– Именно секретные, – удовлетворенно ответил Самойленко. – Многие страны заинтересованы в этих документах и готовы выложить весьма кругленькую сумму, чтобы заполучить их. Вам, господин Родионов, я думаю, цена этих бумаг известна лучше, чем кому-либо.

– Секретные бумаги... – повторил Савелий. – Хорошо, если я их похитил, то где же они? Куда я их подевал? При мне, господин помощник полицеймейстера, никаких бумаг не имеется, извольте убедиться.

И Савелий Николаевич развел руками, как бы приглашая присутствующих удостовериться в правоте сказанных слов.

– Это не снимает с вас ответственности за содеянное, – голосом прокурорского обличителя произнес Самойленко. – Вон ваш саквояж с полным набором инструментария взломщика. А вот и открытый этим инструментарием сейф... Господину прокурору больше ничего и не надобно. А уж судебному следствию, – Самойленко лучисто улыбнулся, – и подавно. Каторга, господин взломщик сейфов и несгораемых шкафов, – произнес помощник полицеймейстера с явными нотками злорадства. – Каторга-с. Вот так-с!

Следовало проявлять выдержку, дело принимало непредсказуемый оборот. Его просто разводили втемную.

– И все же ответьте мне: если это я вскрыл сейф и похитил бумаги, представляющие государственную тайну, то где же они? – стараясь придать голосу насмешливость (что совсем не удалось), спросил Савелий. – Съел я их, что ли?

– Нет, не съели.

– Тогда где они? – Родионов снова развел руками.

– Мы полагаем, что вы передали их своему сообщнику.

– Тогда где же он... этот так называемый сообщник?

– Он сумел скрыться.

– А может, вы бы его поискали получше! Как же он мог исчезнуть через закрытые двери? – уже огрызнулся Савелий.

Савелий был зол.

То, что сейчас происходило в кабинете управляющего Императорским Промышленным банком, было верхом бесстыдства. Еще никто и никогда не поступал с ним подобным образом: ни московские полицеймейстеры Боголюбов с Федотовым, ни бывший начальник московского сыска Виноградов, ни директор департамента полиции Белецкий, ни главный московский сыскарь граф Григорий Васильевич Аристов, а уж он был весьма одиозной фигурой! (Удивительное дело: начальники московского сыска все были Григориями. Князя Григория Петровича Хованского сменил Григорий Власьевич Макаров. Макарова сменил Григорий Григорьевич Полубатько, а Полубатько, в свою очередь, сменил Григорий Леонидович Виноградов. «Московские губернские ведомости» по этому поводу не однажды остро и сатирически шутили,

а в одиннадцатом году разразились едким язвительным фельетоном за подписью «Пескарь», который заканчивался сентенцией о том, что ежели вы хотите стать начальником московского сыска, но вас зовут не Григорий, то не видать вам этой должности, как своих ушей.) Хотя все вышеперечисленные генералы были невероятно рассержены на Родионова за его воровскую дерзость и неуязвимость, но благородства им было не занимать.

Это была настоящая провокация. Кто же так расстарался? Право, не граф Аристов же? Этот на подобную провокацию не пойдет. Побрезгует. Тогда кто же?

Тот, кто стоит в тени, за ширмой. И наблюдает в щелочку... Его лица не рассмотреть.

Ах, Катерина, Катерина, как крепко отомстила. Дрянь! А с ней явно заодно этот Заславский.

Савелий Николаевич попытался поймать взгляд Бориса Яковлевича. Не получилось. Управляющий все время смотрел мимо него, а потом принялся рассматривать на безымянном пальце золотой перстень с огромным сапфиром, как если бы увидал впервые.

А может, это они с Вронской и похитили секретные бумаги, а теперь пытаются свалить на него? Родионов, не сдержавшись, уныло покачал головой: попался на эту удочку, как последний фраер, как сопливый безмозглый жиган: его кормили развесистой «клюквой», а он, олух, и проглотил.

А может, никаких бумаг в сейфе и не было, и его поймали на банальнейшей подставе? Впрочем, как бы там ни было, ситуация не из легких. Ну, Кити...

– Докажем, все докажем, милейший Савелий Николаевич, – потирая от удовольствия руки, произнес Самойленко. – А покуда суд да дело, – он сладчайше улыбнулся, – прошу вас, сударь, следовать со мной...

– Это зачем же?

– Хм... По причине вашего арестования, к нашему удовольствию. Если вы обещаете себя вести хорошо, я не буду конвоировать вас в наручниках. Мы выйдем, как добрые старые друзья, которые направляются, скажем, – помощник полицеймейстера посмотрел на свой берегет, – в ресторацию, известную под названием «Яр». А сами проедем в Управление, где вас определят, обещаю вам, в самую лучшую камеру. Все-таки чин-то у вас немалый! Елизавете Петровне мы немедленно сообщим о вашем арестовании, чтобы супруга ваша не сильно беспокоилась. Она ведь в принципе готова к такому повороту событий, не правда ли?

Савелий промолчал.

– Обещаете вести себя хорошо?

– Обещаю, – хмуро буркнул Савелий Родионов, соображая, что ему придется предпринимать в первую очередь. Арест это у него был не первый, но каторга светила впервые. А то, что от нее на сей раз не уйти, это определено.

Так что же делать?

Для начала нанять присяжных поверенных. И в первую очередь привлечь Семена Арнольдовича.

Как-то нужно снестись с Мамаем. Нужно будет дать ему инструкции.

И последнее: нужно сохранять самообладание и быть уверенным в себе, что, пожалуй, будет самым трудным.

Глава 4

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Начальник московского сыска его сиятельство граф Григорий Васильевич Аристов предавался приятным воспоминаниям. Третьего дня он вернулся из Баден-Бадена, где проводил очередной отпуск вместе с одной замужней дамой, о фамилии которой следует умолчать по вполне понятным причинам. И понятно, что впечатления от столь приятной вакации были еще весьма свежи.

Его сиятельство сидели в огромном кожаном кресле и были похожи на гору, вернее, вулкан, который на первый взгляд давно потух и не представляет никакой опасности. Однако подобное впечатление было кажущимся и весьма обманчивым. Сей вулкан готов был в любую минуту вспыхнуть адским пламенем, осыпать окружающее пространство слоем черного пепла и извергнуть из себя смертельный поток лавы, уничтожающей все на своем пути.

Чашечка кофею дымилась на блюде с золотой каймой, но Григорий Васильевич ее не замечал: он, вернее, то, что находилось под генеральским мундиром и кожей, все еще пребывало на знаменитом курорте, расположенном у подошвы Шварцвальдовских гор, похожих на две обнаженные женские груди.

Ах, эти женские груди!

У Мари они были просто великолепны. Идеальной формы, упругие, они в точности умещались в приоткрытую ладошку, занимая ее всю. Их было так приятно поглаживать и легонько мять...

А бедра!

Он просто сошел с ума, когда Мари, сбросив с себя последнее исподнее, что еще держалось на тоненьких бретельках, шагнула к расправленной кровати и, заложив руки за спину, вытянулась во весь рост. Дождаться его долго Мари не пришлось: он навалился на нее всей своей тяжестью, женщина охнула и испустила протяжный стон, вцепившись в его плечи тоненькими пальчиками.

А потом... Что было потом, не поддается описанию. Просто нет слов, способных выразить то наслаждение и негу, что испытал Григорий Васильевич в последующие минуты соития.

Мари была прелестна!

Ее взгляд, томный и одновременно страстный, когда он встречался со взглядом Аристова, заводил Григория Васильевича еще больше, а ее потемневшие зрачки были столь бездонны, что Аристов тонул в них без всякой надежды и желания хотя бы коснуться дна...

Они излились почти одновременно, что говорило о схожести темпераментов и идеальной физической совместимости. Указывало это и на то, что телесное соитие происходит у них не впервые и они уже успели приноровиться друг к другу.

Потом были роскошные купальни «Термы Каракаллы», построенные императором Каракаллой еще в начале третьего века, – горячие воды с целебными свойствами, и знаменитое во всей Германии казино, где Григорий Васильевич выиграл четыреста пятьдесят марок.

Кстати, они с Мари снимали номер, который занимал Николай Васильевич Гоголь, когда ровно семьдесят пять лет назад приехал в этот вольный город впервые. Чуть позже, снова приехав в Баден-Баден, автор «Мертвых душ» опять снял этот номер и правил в нем своего «Тараса Бульбу», отдав затем повесть в местную газету «Еуропа», где она и была опубликована. Все это рассказал Аристову князь Николая Гагарин, живший, кажется, безвыездно в Баден-Бадене на своей роскошной вилле.

– Ну, нравится мне здесь, – отвечал князь на вопросы русских путешественников, почему он выбрал для проживания это место. – Как-никак, летняя столица Европы, к тому же здесь самое изысканное общество, и вообще, господа, здесь так мило...

А вечерний променад по замечательным аллеям лучшего европейского курорта! А предвкушение блаженства с Марией, которое могло наступить тотчас, захоти этого Григорий Васильевич...

А неповторимый запах ее духов...

– ... пойман с поличным!

– Что? – поднял голову Аристов, совершенно не заметив появления своего секретаря, голос которого и вывел Григория Васильевича из сладких грез воспоминаний.

– Я говорю, ваше сиятельство, что не менее как получасом назад задержан на месте преступления и препровожден во второе полицейское управление известный вор-медвежатник Савелий Николаев Родионов...

– Что?! – невольно подался вперед Аристов.

– Задержан с поличным на месте преступления... – Секретарь заметно волновался, ибо то, что он говорил, было действительно событием из ряда вон выходящим. Король медвежатников всея России – за решеткой! Это покуда не укладывалось в голове и было равносильно тому, ежели б великого князя Михаила, к примеру, побили бы камнями гвардейцы-гренадеры.

– Как это случилось? – спросил Григорий Аристов, теребя короткую бородку.

– Весьма просто и, я бы сказал, банальнейшим образом, – сделал секретарь то, чего не надлежало бы делать, а именно: высказывать вслух свое мнение. Григорий Васильевич такого в подчиненных не терпел и сам, будучи на оперативных совещаниях или «разгонах» у директора департамента Белецкого, всегда держал язык за зубами. Потому и зубы у него были покуда целы.

Аристов чуть поморщился и буркнул:

– Короче.

– Слушаюсь. Дело обстояло так...

* * *

Савелий Николаевич Родионов был давнишним и, можно сказать, коротким знакомым графа Аристова.

Знакомство их, правда, поначалу заочное, началось с ограбления коммерческого банка в Староконюшенном переулке, седьмого по счету за два последних месяца. На полке настезь раскрытого сейфа лежала алая роза и записка с весьма язвительным содержанием, в которой взломщик в весьма изысканных выражениях благодарил управляющего банком и его вкладчиков за щедрый подарок и желал московскому сыскному отделению (в лице Григория Васильевича Аристова) успехов в «их нелегкой, но приносящей пользу Отечеству службе». Подобный поступок смахивал на откровенное издевательство, и Аристов дал себе слово во что бы то ни стало упрятать злодея в кутузку.

В течение короткого времени было вскрыто еще несколько несгораемых шкафов. Вор действовал настолько искусно, что ни царапин, ни каких-либо повреждений на дверцах и на замках обнаружить не удалось. Было ясно, что орудует один и тот же взломщик, причем высшей классификации, поймать которого будет крайне непросто.

После проникновения в здание Торгово-сырьевой биржи, устроенного путем подкопа, и вскрытия сейфа с суммой, на которую можно было скупить решительно все товары торгового дома Мерилиза, да еще остались бы деньги и на колониальные товары господина Мюра, фактом столь многочисленных и дерзких ограблений заинтересовался сам государь император. Он сделал весьма нелицеприятное внушение министру внутренних дел Петру Аркадьевичу Столыпину, а могущественнейший статс-секретарь с правом личного доклада императору, естественно, «намылил голову» директору Департамента полиции Ракитову.

Ракитов, в свою очередь, устроил разнос Аристову и начальнику Охранного отделения Беклемишеву, после чего Григорий Васильевич стал рыть носом землю. Почти в прямом смысле. Он лично приехал осматривать сооруженный из цветочных теплиц подкоп под здание Торгово-сырьевой биржи, лазал в него, после чего провел дознание смотрителю теплиц и выяснил, что недели за две смотритель принял на работу нового садовника с великолепными рекомендациями, который после ограбления биржи исчез. Испарился.

– А особые приметы этого *садовника* вы не могли бы вспомнить? – спросил старика Аристов.

И старый смотритель поведал ему, что особых примет у садовника не было. Разве что руки...

– А что руки? – в нетерпении спросил Григорий Васильевич.

– Ну, такие, с длинными пальцами. Как у музыкантов.

Аристов хмыкнул. Иных рук у вора-медвежатника быть и не должно. А здесь, скорее всего, работал вор-артист. Художник, можно сказать, своего дела...

– Ну а рост, цвет глаз, позитурка?

– Позитурою худощав, – ответил смотритель, – но не сух. Про таких говорят: жилистый. Глаза как будто серые. Росту же он малость выше среднего. А большего, прошу прощения, не упомяну. Внимания не обращал, прошу прощения.

Так Григорий Васильевич узнал кое-что про Родионова, еще не ведая, кто он таков. То есть, иными словами, познакомился заочно...

* * *

– ... Итак, сегодня около трех часов пополудни сработала сигнализация Императорского Промышленного банка. Прибывшие на место происшествия полицейские во главе с помощником полицеймейстера Второго управления господином Самойленко взяли под стражу находившегося в кабинете управляющего банком господина Заславского известного вора-медвежатника Родионова Савелия Николаевича. Секретный сейф в тайной комнате управляющего был вскрыт и найден пустым, на месте преступления был обнаружен кожаный саквояж с полным набором воровского инструментария. Содержимое сейфа, а это были секретные документы неизвестного содержания, при воре обнаружено не было. Очевидно, он успел передать их не установленным покуда сообщникам. Сам Родионов сидел в кресле и курил сигару...

– Не понял, – перебил секретаря Аристов. – Что значит, сидел в кресле и курил сигару?

– Это, прошу прощения, ваше превосходительство, то и значит: сидел в кресле и курил сигару, когда в комнату вошли полицейские во главе с господином Самойленко.

– Странно, однако; он что, не предпринял никаких попыток скрыться? – Григорий Васильевич грузно отлепился от спинки кресла и вперил острый взгляд в секретаря.

– Никак нет.

– Почему?

– Надо полагать, полицейские прибыли слишком скоро, и у вора уже не было никаких шансов скрыться ... – не слишком решительно ответил секретарь.

– Насколько скоро? – спросил Аристов раздумчиво.

– Весьма скоро...

– Это я уяснил, – Григорий Аристов не сводил недовольного взгляда с секретаря. – Но когда я спрашиваю «насколько скоро», это значит, что в ответе должно содержаться не расплывчатое «очень скоро», «весьма скоро» и иная неконкретная дребедень, – сказал он раздраженно, – но четкая и точная цифра. К примеру, если вам не ясно: «полицейские прибыли на место преступления через двадцать минут». Понятно вам?

– Понятно, ваше превосходительство. Но такому преступнику, как Родионов, двадцати минут хватило бы, чтобы домчаться до Коломны, – заметил секретарь.

– Я тоже так думаю, – уже мягче произнес Григорий Васильевич. – Узнайте, насколько скоро прибыла в банк полиция, и немедленно доложите мне.

– Слушаюсь, – с легким поклоном ответил секретарь.

– Ступайте.

Секретарь вернулся через три минуты.

– Я телефонировал во Второе управление, – с ходу доложил секретарь. – Господин полицеймейстер Федотов назвал мне точную цифру: после того как сработала сигнализация банка, помощник полицеймейстера Самойленко, два частных пристава, квартальный и городской были в банке менее чем через пять минут.

– Похвальная оперативность, как это так? – удивился Аристов. – Ближайший полицейский участок находится за восемь кварталов от банка. Чтобы только доехать от него до банка, требуется около пяти минут. А из Второго управления и того дальше. Они что, на крыльях, что ли, до банка долетели? Все время бы так! А то, бывает, и через пару часов не дождешься. Вон меховую лавку купца Анищенко на днях пограбили, за полтора часа весь товар вынесли, а полицейские так и не объявились. Самойленко-то как оказался в банке так скоро? Ведь ему сначала доложить должны об ограблении. – Начальник московского сыска поморщился от пришедшей догадки, но озвучивать ее перед секретарем не стал. – Хорошо, ступайте, Анатолий Семенович. Благодарю вас.

По всему было видать, что генерал «отошел», чему свидетельство то, что назвал он своего секретаря по имени. И вообще, Григорий Васильевич не мог долго злиться. Не тот был у него характер. Потому как после вспышки гнева и раздражения ум сразу начинал работать на анализ ситуации, после чего всегда находилось взвешенное решение. Так произошло и на сей раз.

Когда секретарь вышел, Аристов поднялся с кресла и подошел к окну. Не оставалось сомнений, что Родионов угодил в умело расставленную ловушку. Самостоятельно придумать такую хитроумную комбинацию Самойленко не мог, ему помогли. Отсюда возникает вопрос: кто же тогда? И какие документы пропали из сейфа, черт побери?!

Невольно вспомнилось их давнее знакомство.

* * *

Аристов поигрывал. В банк, штос, фараон. Как-то в очередной раз, расписывая «банчок» в доме князя Пьера Гагарина, Григорий Васильевич свел знакомство с молодым человеком немного за тридцать, представившимся как Савелий Николаевич Родионов, кожевенный заводчик, меценат и держатель картинной галереи. Новому знакомому везло в карты, однако на шулера он был не похож, и никакого карточного плутовства за ним не наблюдалось. Уж Григорий Аристов непременно бы это заметил. Просто Савелий Николаевич был из породы победителей, которым везет во многом, ежели не во всем, чему заслугой был твердый и непреклонный характер, который чувствовался в нем с первой же минуты знакомства.

Они как-то быстро сошлись, Аристов и Родионов. И к концу визита стали настолько коротке, что проигравшийся почти в пух Аристов взял в долг у Родионова двадцать тысяч рублей ассигнациями. Правда, Савелий Николаевич сам предложил выручить Аристова, но ведь генерал мог и не брать, не так ли?

Между тем в поисках медвежатника-виртуоза Аристов решил задействовать всю свою агентуру. Сведения, что получал начальник московского сыска, мало-помалу приводили его к убеждению, что следы удачливого взломщика сейфов и несгораемых шкафов надлежит искать на Хитровке, из среды которой вышли многие большие и малые мазы, бывшие нынче на слуху и на учете в Сыском и Охранном отделениях Департамента полиции.

Облава ночлежных домов и хитровских притонов ничего не дала. Медвежатник, поймать которого стало делом чести его сиятельства графа Аристов, затаился, почувствовав, очевидно, что против него стал играть не менее опытный и виртуозный в своем деле человек, чем он сам.

На третий день после крупной карточной игры в особняке князя Гагарина на аудиенцию к Григорию Васильевичу Аристову напросился... сам Савелий Николаевич Родионов. Конечно, граф его принял. Да и как не принять кредитора, коему ты должен двадцать тысяч! Он даже приготовил деньги, чтобы их вернуть, однако Савелий Николаевич решительно отказался их принять.

– Господь с вами! – отмахнулся от протянутой пачки денег Савелий Родионов. – Неужели вы смогли подумать, что я пришел по поводу этого несчастного долга? – Он даже сделал обиженное лицо и добавил: – Поверьте, я абсолютно не тороплю вас возвращать мне долг. И я бы совсем простил вам его, если бы вы на это согласились...

Григорий Аристов вскинул голову, чтобы немедленно отвергнуть предложение нового знакомого, но тот, помолчав до того несколько мгновений, словно собираясь с мыслями, вдруг произнес:

- Причина моего визита заключается совершенно в ином.
- В чем же? – посмотрел прямо в глаза собеседнику Григорий Васильевич.
- Видите ли, – протестки улыбнулся Родионов, – я остался без своего любимого кучера.
- А что случилось? – заинтересованно спросил Аристов.
- Банальнейшая история, даже как-то неудобно обращаться по такому пустячному поводу к столь значительному лицу.

– Вы не стесняйтесь, говорите, – приободрил Аристов.

Родионов немного помедлил, затем продолжил:

– После того как вчера вечером он доставил меня домой, то, по своему обыкновению, заторопился к своей зазнобе. Ну и ненароком задел плечом городского, который, оступившись, угодил прямым в лужу и перепачкал форму, после чего моего кучера арестовали и препроводили в каталажку. А ведь это недоразумение, поверьте, случилось совершенно без злого умысла. Ну, торопился человек, толкнул другого... Так с кем не бывает?

– Действительно, с кем не бывает, – согласился с Родионовым начальник московского сыска. – Где это случилось?

– На углу Камергерского переулка и Тверской, – с готовностью ответил Савелий Николаевич.

Аристов кивнул, подошел к телефонному аппарату и покрутил ручку:

– Барышня, будьте добры, шестой полицейский участок. Благодарю... Мышкин? Это Аристов говорит. Вчера на углу Камергерского и Тверской был задержан один человек... Как его зовут? – обернулся к Родионову Григорий Васильевич.

– Андрей Мещеряков, – подсказал главному сыскарю Москвы «кожевенный заводчик».

– Мещеряков Андрей. Да... Так ты бы его отпустил, голубчик. Да... Именно так: он нужный нам человек... Это почему же? Вот как? – Аристов с укоризной посмотрел на Савелия Николаевича и покачал головой. – Все равно отпусти. Да. Так надо, голубчик.

Когда граф закончил говорить, то посмотрел на Родионова с еще большей укоризной:

– Знаете, что на самом деле учинил ваш кучер?

Савелий недоуменно повел головой:

– Понятия не имею.

– Он учинил самую настоящую драку. Разбил нос городовому, а квартальному надзирателю так приложил, что того в бесчувственном виде доставили в Екатерининскую лечебницу.

– Я этого не знал, – как показалось тогда Аристову, искренне ответил Савелий Николаевич.

– Слава богу, ничего серьезного: синяки да ушибы. Но даже я ничего бы не смог для вас сделать, случись что посерьезнее...

– Даже не знаю, как вас и благодарить, – в замешательстве произнес «заводчик».

– А никак, – ответил Аристов и тут же спохватился: – Впрочем... Скажите, когда вы намерены снова посетить дом князя Пьера Гагарина? Чтобы поиграть, разумеется, – добавил он.

– В ближайшую субботу, – ответил Родионов.

– Вот и славно. Вы отблагодарите меня, дав возможность отыграться. Идет? – спросил опытный сыскарь, заглядывая Родионову в глаза и не зная того, что перед ним вор, то есть его враг.

– Идет, – легко согласился Родионов.

Аристов подумал, что в субботу он будет аккуратен и осторожен и уж на этот-то раз не проиграется. И оба ошиблись...

Глава 5

ИГРА БЕЗ КОЗЫРЕЙ

- Проезжай, черт, проезжай! – ткнул Мамай городской. – Неча здесь отсвечивать!
- Чиво? – очнулся Мамай, ни черта еще не понимавший, где он и что с ним произошло.
- Проезжай, говорю, чапашка хренова, – прикрикнул на него городской и усмехнулся:
- Что, перебрал небось вчера, даже до дому сил не хватило доехать?
- Аха, – Мамай кивнул и скривился от боли, остро резанувшей затылок. Похоже, крепко ему досталось.
- Что, башка трещит? – понимающе произнес городской. – Так похмелись.
- Аха, – снова ответил Мамай и спросил: – Сыкоко щасэ выремени?
- Четвертый час, – ответил городской и оглянулся: из здания банка выходила целая процессия во главе с помощником полицеймейстера второй части Самойленко. – Ты это, давай, вали отсюда.
- А чево? – спросил Мамай и посмотрел в сторону банка.
- Не положено здесь, – ответил городской и важно добавил: – Фартового, вишь, взяли с поличным. В управление щас повезут.
- Какого фартового? – спросил со страхом Мамай, уже понимая, о ком идет речь. Вот шайтан! Ведь говорил же он хозяину о своих нехороших предчувствиях. Не послушал. Что ж теперь делать-то?
- Фартового, то есть вора важного, – пояснил городской и нахмурился: – Вали, кому сказал! Ежели в кутузку не желаешь.

Мамай, все еще глядя на людей, выходящих из банка, увидел в предрассветной дымке Родионова. Тот шел, держа руки за спиной, понурился. Выйдя на улицу, Савелий Николаевич поднял голову, безразлично посмотрел в сторону Мамай и снова уронил голову на грудь. Неизвестно, встретились ли они взглядами – было слишком далеко, – но Мамай понял: в этот раз хозяин вляпался крепко и по полной. И надо что-то делать. Только вот что?

* * *

Директор Департамента полиции его превосходительство действительный статский советник Степан Петрович Белецкий рвал и метал. И было с чего! Шутка ли: бесследно исчезли секретнейшие документы по совместной российско-британской разработке новой боевой техники – бронированной машины на гусеничном ходу под кодовым названием «тэнк». Специалисты и посвященные из Военного министерства и сам министр внутренних дел называли еще ее «сухопутным крейсером». Ни то ни другое название, изредка произносимое в раздраженной речи Белецкого, ничего не говорило Аристову.

Одиннадцать часов дня – время начала оперативного совещания у директора Департамента. На брежете Григория Васильевича было уже половина первого, а «разгону» Белецкого не виделось конца. Наконец, удалив из кабинета обер-полицеймейстера и обоих просто полицеймейстеров да начальника инспекторского отдела, директор Департамента полиции Министерства внутренних дел Степан Петрович Белецкий остался с тремя подчиненными. А именно, с начальником сыскного отделения департамента полиции бригадным генералом Григорием Васильевичем Аристовым, главой московской охраны полковником Пал Палычем Заварзинным и начальником политического сыска генерал-майором Дмитрием Сергеевичем Померанцевым, ведающим Московским губернским жандармским управлением. Почему присутствовал и был оставлен для продолжения беседы жандармский генерал Померанцев? Да потому, что

дело об исчезновении секретных документов касательно новой военной техники попахивало политикой и государственной изменой. А вдруг сообщник этого Родионова надумает продать похищенные бумаги, скажем, резиденту германской разведки? Это ли не измена державе?!

– Итак, господа, вопрос у меня остался один: как найти пропавшие документы? – Белецкий обвел присутствующих своими большими, навывкате, глазами, остановив свой взгляд на Аристове. – Что скажете, Григорий Васильевич?

– Будем искать, ваше превосходительство, – неопределенно ответил начальник московского сыска, что вызвало у директора Департамента полиции дополнительную хмурость.

– Вы мне объясните толком, что значит, «будем искать»? – раздраженно переспросил Белецкий. – Разумеете, вы будете искать! Еще как будете! Все-таки на государственной службе! Меня интересует другое: как искать? Какие действия вы намерены предпринять для розыска? И что уже предпринято на данный момент? Если вообще что-либо предпринято, черт вас побори!

Сплошная неопределенность.

Вот чего более всего не принимала живая и деятельная натура директора Департамента полиции. Да и не вырос бы он, малоросский мещанин (в Министерстве внутренних дел поговаривали, что Степан Петрович Белецкий вообще происхождением купеческий сын) и простой губернский канцелярист до чина статского генерала и не стал бы настоящим специалистом по части политического сыска, ежели бы имел иной характер.

Плотный, с густой курчавой бородой и усами, загнутыми вверх, Белецкий имел обманчиво добродушный вид, а седина человека, которому крепко за сорок, говорила, что Степан Петрович из породы радетелей, то есть людей ответственных и душой болеющих за порученное дело. Такой ежели вцепится, – то уже ни за что не отпустит...

– Может, потрясти этого Родионова как следует? – предложил глава Жандармского управления полиции генерал Дмитрий Сергеевич Померанцев. – Глядишь, и перестанет запирается. Незабвенной памяти генерал-аншеф Татищев и старик Шешковский знали, что делать с такими несговорчивыми субчиками, как этот Родионов.

– Это точно! – поддакнул начальник Охранного отделения Департамента полиции полковник Пал Палыч Заварзин. Он был единственным здесь столбовым дворянином и среди выходцев из разночинной публики (перед тем как получить личное, а затем и потомственное дворянство, дед графа Аристова, к примеру, пел псалмы в приходской церкви села Мокрая Выпь) чувствовал себя немного не в своей тарелке. И дабы считаться в сей компании *своим*, часто вел себя проще, чем следовало бы. – В старые времена вздернули бы этого вора на дыбу, да костерок под ним разложили, – родную мать бы выдал. Алексей Данилович Татищев такого рода дознанием не побрезговал бы...

Историю про генерал-полицеймейстера Алексея Даниловича Татищева в Департаменте знали все. Ну, или почти все. Кроме того, в Инспекторском отделении Департамента полиции служил родственник знаменитого петербургского генерал-полицеймейстера Валериан Аркадьевич Татищев, который сыскным талантом не обладал, что, однако, не мешало ему мечтать о карьере сыщика и слать рапорты директору Департамента полиции Белецкому о переводе его в Сыскное отделение.

История про Алексея Татищева начиналась с того, что худо-бедно, но он был Рюриковичем. И родственником всем потомкам князей смоленских, то бишь князьям Всеволожским, Еропкиным, Козловским, Дашковым, Мамоновым, Карповым и прочим. Потому как вел род свой от самого великого князя Рюрика и потомков его Владимира Святителя и Владимира Мономаха.

Правда, со временем княжеское титуло отпало, что, однако, нисколько не умалило благородство и высочайшую степень происхождения. А она была следующей:

– у великого князя Владимира Святителя был внук, великий князь Владимир Всеволодович Мономах;

– у Владимира Мономаха был сын – великий князь Мстислав Владимирович Смоленский;

– у Мстислава Смоленского был правнук – князь Святослав;

– у князя Святослава, в свою очередь, был внук князь Дмитрий Глебович.

А у князя Дмитрия Глебовича имелся правнук, служивший наместником новгородским. Звали его Василий Юрьевич. И когда княжил на Руси в начале века пятнадцатого великий князь Василий Дмитриевич, раскрыл Василий Юрьевич, наместник новгородский, заговор в Новгороде и поймал всех преступников-воров, коих в те времена звали *татами*. Тогда-то, прознав про таковое радение, дал великий князь наместнику полицейское прозвище – Тать-ищ, иначе, ищущий татей, которое у сыновей и внуков Василия Юрьевича трансформировалось в родовую фамилию Татищевы.

К чему сия родословная?

Да к тому, что камергерами при императорском дворе просто так, без надлежащего происхождения не становятся...

А уж до чего расторопен был Алексей Татищев, сын казанского помещика Данилы Михайловича! С малых лет понял Алеша, что ежели «дома жить – чина не нажить». И будучи недорослем, отправился в Москву служить государю и престолу. И стал любимым денщиком государя императора Петра Алексеевича.

Природная расторопность и способность угадывать на лету желания престолодержателей пригодились Алексею Даниловичу и после Петра Великого.

При Анне Иоанновне он получил придворный чин камергера.

При Елизавете Петровне сделался кавалером Александровского ордена, а в одна тысяча семьсот сорок пятом году был высочайше назначен генерал-полицеймейстером Санкт-Петербурга с производством в чин генерал-поручика.

Алексей Данилович был не первым в истории Петербурга генерал-полицеймейстером. Но именно он возвеличил эту должность и поставил ее на небывалую высоту. Он стал не только начальником полиции столицы российской империи, но и главой всех российских полицейских служб. А то, что он делал, было сродни обязанностям будущих министров внутренних дел.

Он не подчинялся ни Сенату, ни Тайной канцелярии. Он подчинялся и был подотчетен единственно лишь высочайшей власти.

Он никогда не церемонился с законопреступниками. При нем палками-длинниками из татей и душегубов, как и в стародавние времена, выбивали «*подлинную*» правду, а вбиванием под ногти гвоздей узнавали правду «*подноготную*». Чтобы отличать преступников от законопослушных граждан в повседневной жизни и удачно ловить их, ежели они сбегут из острога или каторги, Алексей Данилович предложил Сенату ввести новую форму клеймения законослушников, совершивших тяжкие преступления, а именно: ставить на лоб букву «В», на правую щеку – «Р», и на левую – «Ъ», что значило: ВОРЪ.

– Но, – возразил Татищеву один из сенаторов на сенатских слушаниях по поводу нового проекта клеймения преступников, – бывают случаи, что иногда невинный получает тяжкое наказание, а потом невинность его обнаруживается. Каким образом освободите вы его от сих поносительных знаков?

На что Алексей Данилович невозмутимо ответил:

– Весьма удобным. Стоит только к слову «вор» прибавить две литеры: «не»...

Проект генерал-полицеймейстера столицы и всея Руси был одобрен Сенатом и высочайше утвержден Елизаветой Петровной. Отменен он был лишь в одна тысяча восемьсот шестьдесят третьем году Александром Освободителем.

Вскоре Алексею Даниловичу был пожалован каменный дом в Петербурге, а незадолго до смерти и высочайший чин Российской империи – генерал-аншеф. Выше были только императрица и сам Господь Бог.

Что же касается «старика Шешковского», как его за глаза называли подчиненные, то любимейшим способом добиваться правды и нужных показаний у главы Экспедиции Тайных розыскных дел был следующий. У себя в кабинете в Петропавловской крепости Степан Иванович Шешковский имел кресло с секретом. Человек, с которого надлежало снять дознание, будь то карточный шулер, поноситель «слабостей» государыни императрицы Екатерины Великой, зловредный масон или мужеложец, – сажался в означенное кресло. Неожиданно руки и тело приковывались механическими автоматическими скобами к подлокотникам, и кресло с сидящим на нем падало в тартарары, то есть в подвал, где два заплочных дел мастера начинали обработку дознаваемого батогами, плетьюми, а иной раз и каленым железом. Голова же его оставалась в кабинете Шешковского. И статс-секретарь Великой государыни императрицы Екатерины Второй, увещевая голову дать нужные показания, проводил с ней морализаторские беседы, в то время как остальная часть, в первую очередь филейная, получала свое сполна.

Обычно старик Шешковский получал нужную информацию, а ежели не удавалось, то имелись в подвалах Петропавловской крепости такие закуты с разным пыточным инструментарием и дыбой, что лучше о том и не знать...

– Родионов не расколется, – глухо сказал Григорий Васильевич Аристов. – Даже если вгонять ему иголки под ногти с целью узнать подноготную правду.

Белецкий в упор посмотрел на Аристова:

– Вы говорите так, будто знаете его.

– Так оно и есть, ваше превосходительство, – ответил Григорий Васильевич, посмурнев. – Имел честь познакомиться...

* * *

Следующим заходом, наделавшим много шума в Москве и поставившим Аристова в положение щенка, тыкающегося носом в пустую миску, был подлом несгораемого шкафа новейшей конструкции на Мытном дворе. Преступник, вскрыв три хитрых замка шкафа за считанные минуты, можно сказать, прямо на людях, поживился призом в триста тысяч рублей ассигнациями, что составило бы для человека экономного несколько состояний.

Многочисленные «свидетели» этого происшествия показывали, что злоумышленник был в клетчатом выходном костюме и кепи, которые обычно носят спортсмены-циклисты, едущие на велосипедах по Манежу. Иные говорили, что у несгораемого шкафа терся здоровенный мужик, явно из купеческого сословия, все время теребящий бороду и опасно оглядывающийся по сторонам. Кое-кто из таких вот свидетелей рассказывал, делая круглые глаза и божась, что несгораемый шкаф вскрыл не кто иной, как цирковой карлик Шпунт, покупавший на Мытном дворе мясо (а иначе, откуда у него часом позже обнаружили деньги, чтобы заказать шикарный номер на «Славянском базаре» с двумя певичками, оркестром, царской выпивкой и не менее царской закуской?).

Словом, была полная путаница и опять никаких зацепок.

Но служба службой, а мадемуазель Натали в субботний вечер – это свято. Ах, до чего же сахарная барышня, сладкая. Многие светские львы на нее облизываются, но принадлежит она ему, графу Аристову. А после Натали к Пьеру Гагарину и – за игорный стол. Славно, черт возьми! К тому же хозяйка дома Анна Викторовна Гагарина прелесть как хороша. Почему бы не приударить за ней, покуда старый Пьер дремлет в своих креслах?

Аристова встретили с радостью и уважением. Фигура как-никак! Граф. Притом весьма нужный человек: мало ли, что может произойти в жизни. Тем более в России, где, как известно, умные люди от сумы да тюрьмы не зарекаются.

Поговорив с княгиней на темы весьма отвлеченные, но сулящие блаженство, причем в весьма скором времени, довольный складывающимися в его пользу обстоятельствами, Григорий Васильевич отправился в игорную залу. За одним из столов он увидел Родионова. «Кожевенный заводчик» задорно улыбался...

– Григорий Васильевич! Ваше сиятельство, присаживайтесь к нам. У нас как раз не хватает одного человека! – весело выкрикнул Савелий Николаевич.

– Пожалуйте, – Аристов кивнул Родионову как старому знакомому и сел за стол. – Значит, баккара?

– Баккара, – подтвердил фальшивый «заводчик и держатель картинной галереи».

Григорий Васильевич сделал крупную ставку. Игра началась. И Аристову выпал марьяж.

– Мне сегодня везет, – сказал он и скоро получил из рук банкмета нового туза. – Определенно везет.

Откуда Григорию Васильевичу было знать, что и банкмет, и проигрывающие кучи денег понтеры, и еще один крупный выигрыш, и еще, – все было подстроено Родионовым только для того, чтобы генерал задержался за карточным столом подольше...

* * *

– Вы его знаете лично? – Брови действительного статского советника Белецкого поползли вверх.

– Так точно, – ответил Аристов. – У меня служба такая. Некоторых особо опасных преступников приходится знать лично.

– Кхм, вот оно как... Ну что ж, разумно. Тогда вам и карты в руки, – резюмировал директор Департамента полиции.

При слове «карты» Григорию Васильевичу пришла одна мысль, которую он тотчас решил реализовать:

– Как же я буду играть без козырей, ваше превосходительство?

Брови Белецкого заняли середину лба:

– Что вы имеете в виду?

– То, что я понятия не имею, какие документы были похищены. А мне необходимо это знать для успешного ведения дознания. А то получается как в сказке: иди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

Белецкий задумчиво прошелся по кабинету.

– Я должен знать, *что* именно мне надлежит искать, – продолжал настаивать Аристов. – И, зная это, я буду хотя бы иметь предположения, *в каком месте* это надо искать.

Директор Департамента полиции хмыкнул, однако брови его приняли естественное положение: резон в словах начальника сыскного отделения, несомненно, был, хотя, на его взгляд, граф Аристов был излишне дерзок. Впрочем... Пусть будет хоть каким, лишь бы отыскал эти пропавшие документы.

– Хорошо, – после некоторого раздумья изрек Белецкий. – Вы будете иметь возможность познакомиться с содержанием пропавших документов. Я сегодня же снесусь с Военным министерством, и вам разрешат ознакомиться с копиями.

– Благодарю вас, – с легким поклоном ответил Григорий Васильевич.

– Не за что, – ответил Белецкий и добавил: – А покуда трясите этого медвежатника, как его?

– Родионов, – подсказал Григорий Васильевич.

– Вот именно. – Директор Департамента вплотную подошел к Аристову. – Всех нас интересуют одни и те же вопросы: кому этот Родионов передал документы? Если его кто-то нанял для этого дела, то кто? И где эти документы находятся сейчас? Вы поняли меня, граф?

– Понял, ваше превосходительство, – подобрался Аристов. – Как не понять.

– Будете работать вместе с Жандармским управлением. Также вам будет помогать наше охранное отделение полковника Павла Павловича Заварзина. Словом, надо все лучшие силы бросить на отыскание пропавших документов.

Белецкий с четверть минуты помолчал, оглядывая присутствующих, а затем добавил:

– И отыскать их.

Глава 6 «СУХОПУТНЫЙ КРЕЙСЕР»

Савелия Родионова определили в Бутырскую центральную пересыльную тюрьму, в хату к особо опасным преступникам: кроме уголовников, упрятанных за душегубство и разбой, в ней было еще шесть эсеров и три большевика. В общей сложности человек под сорок. Определив в хате главного (долговязый и невероятно худой уркаган с мрачной физиономией), он уверенно направился в его угол и, подняв со шконки его худой сидор, сунул ему в руки.

– Савелий я, медвежатник. Поищи-ка себе, братец, другое место, мне здесь как-то поудобнее будет, все-таки у окна, воздух тут посвежее. Да и матрас у тебя помягче.

Со всех сторон на дерзкого франта взирали любопытные глаза, всем было интересно: сам порвет Ермолай-душегубец дерзкого или повелит расправиться своим уркам.

Однако Ермолай повел себя странно.

– Савелий, говоришь... Это тот самый, с Хитровки, что ли? – В голосе уркагана послышалось невольное почтение.

– А то откуда же еще, – хмыкнул Савелий. – Другого нет.

– Много о тебе хорошего слышал, Савелий, и батяню твоего приемного знаю, Парамона Мироновича. Должок у меня перед ним, в Устюжском остроге от верной гибели он меня спас. Золотой человек! – Повернувшись к арестанту, сидевшему на соседней койке, крикнул: – А ну кыш отсюда! Здесь Ермолай-душегуб почивать станет!

Вертухай, что был на этаже, также был немало наслышан о Парамоне, и, позарившись на щедрое вознаграждение, в одну из ближайших ночей организовал Савелию встречу с Мамаем в служебном помещении. Савелий Николаевич долго шептался с верным слугой, после чего вернулся в хату веселый и с хитринкой в глазах.

С Елизаветой и присяжным поверенным Семеном Арнольдовичем Скрипицыным свиделся через день официальным образом в комнате для свиданий. Сдержанно кашлянув в кулак, присяжный поверенный заявил:

– Мы, конечно, еще поборемся, но кто-то в верхах настроен против вас очень сильно, так что приговора о каторжных работах, думаю, не миновать. К тому же свидетели все люди заинтересованные и служивые, и вряд ли удастся склонить их к тому, чтобы они поменяли свои первоначальные показания.

После разговора с Семеном Арнольдовичем задор в глазах Савелия Николаевича померк. Однако Савелий Николаевич не унывал, чем снискал к себе еще большее уважение не только у уголовных, но и политических сидельцев.

Однажды ему устроили встречу с анархо-коммунистом Нестором Махно, год уже как сидевшим в Бутырках в кандалах. Одесским военно-окружным судом Махно был приговорен к расстрелу, однако матушка его ходатайствовала через императрицу о его помиловании, и Николай Второй, послушный своей любезной супруге, заменил расстрел на бессрочную каторгу.

Махно затеял произвести в тюрьме, как он сам выразился, «бучу» и просил Родионова поддержать его вместе с уголовными. Савелий Николаевич, несмотря на протесты Арнольдыча, на проведение «бучи» свое согласие дал, после чего попал в карцер и был после переведен в одиночку. Это не самым лучшим образом сказалось на судебном следствии, проводимом при «закрытых дверях» по причине секретности: знать о пропаже тайных документов ни публике, ни тем паче газетным репортерам не следовало ни в малейшей степени. Только в «Московских Губернских ведомостях», газете официальной и непредвзятой, появилась в рубрике «Судебная хроника» небольшая заметочка:

ДЕЛО О КРАЖЕ В ПРОМЫШЛЕННОМ БАНКЕ

Закончилось предварительное следствие по поводу дерзкого взлома сейфа в Императорском Промышленном банке. В настоящее время дело перешло от г. судебного следователя к г. прокурору для составления обвинительного акта. Ввиду совершенного отсутствия оснований для дополнительного следствия, на рассмотрение суда гг. присяжных заседателей Московского окружного суда дело это поступит буквально через несколько дней.

* * *

Григорий Васильевич Аристов пребывал в растерянности и смятении. Документы, что сейчас лежали перед ним, были необычайной ценности и в денежном выражении могли исчисляться многими миллионами рублей.

Граф сидел один за столом в секретной части Военного министерства. И чем дальше он углублялся в содержание бумаг, что выдали ему с большой неохотой и под личную подпись, тем тверже убеждался в мысли, что если Родионов и был нанят кем-то (что случалось крайне редко, ибо маз «работал» обычно по личному усмотрению и даже капризу) для их кражи, то уж вряд ли ведал об их содержании.

«Врать Родионову нет смысла, скорее всего он говорит правду. Да и не попался бы он так по-глупому, ведь свои ограбления он обставлял куда изящнее, чем спектакли в Императорском театре. А раз так, то документы были украдены из сейфа еще до того, как он проник в комнату директора. Из этого следует, что медвежатника хотят выставить «козлом отпущения». Вот только кому же это выгодно? – думалось Григорию Васильевичу, знакомому с показаниями Савелия Николаевича, что он давал на предварительном следствии. – Ведь недаром же на место кражи полицианты прибыли столь быстро, что Родионов даже не предпринял попытки скрыться. И этот управляющий банком Заславский... Весьма скользкий тип. Он-то как очутился в банке? Ведь управляющему в два часа ночи полагается быть дома. Ну, на крайний случай, у любовницы».

Григорий Васильевич перевернул страничку и увидел сначала фотографическую карточку машины...

Сообразно сопроводительной записке выходило, что опытный образец машины был уже изготовлен на заводе Уильяма Фостера в Линкольне и успешно прошел испытания на полигоне. «Сухопутный крейсер» был снабжен двумя 57-миллиметровыми пушками Гочкиса и четырьмя пулеметами Гочкиса и Льюиса. Секретная машина была совместным проектом русских инженеров-механиков Лебедева и Пороховщикова и английского инженер-полковника Свинтона.

В сопроводительной записке полковник Свинтон писал:

1. Сухопутные крейсеры с гусеничным двигателем или блиндированные форты могут быть использованы в большом количестве во время общей пехотной атаки на широком фронте или в отдельных боевых эпизодах.

2. Желательнее иметь большее количество небольших крейсеров, чем малое количество больших.

3. Броня крейсера должна быть непроницаемой для сосредоточенного огня винтовок и пулеметов, но не для огня артиллерии. Весь крейсер должен быть окован броней.

4. Тактическая задача крейсера – атака; в его вооружение должно входить орудие с меткостью до 1000 ярдов (914 м) и по крайней мере два пулемета Льюиса, из которых можно было бы стрелять через бойницы в стороны и назад.

5. Команда должна состоять минимум из шести человек: два человека у орудия, по одному у каждого пулемета Льюиса или Гочкиса и два шофера.

6. Крейсер, снабженный гусеницами, должен обладать способностью переезжать через воронки, получившиеся от разрыва снарядов, до 12 футов (3,6 м) в диаметре, до 6 футов глубины, с покатыми стенками; он должен переезжать через колючие проволочные заграждения значительной ширины и через неприятельские окопы с отвесными стенками до 4 футов ширины.

7. Крейсер должен двигаться со скоростью не менее 5 миль в час и 2,5 мили в час (4 км/час) по пересеченной местности по крайней мере в течение 6 часов.

8. Колеса крейсера должны быть гусеничной системы – сложной или простой, смотря по тому, какая окажется более подходящей для переезда по болотистой местности.

За фотографией и сопроводительной запиской следовал подробнейший чертеж.

«М-да-а, – невесело покачал головой Григорий Васильевич, закрывая папку с документами. – Вот вам и «тэнк»! Еще одна машина убийства. Найдется немало стран, которые бы захотели заполучить *такую* машину в своем военном арсенале, такая техника способна переломить ход военной кампании с самым могущественным противником».

Кто же, черт побери, стоит за исчезновением *секретных* документов?

Турция? Не те силы, чтобы выпускать «тэнки» в промышленном масштабе.

Франция? Пожалуй, маловероятно. У них сейчас собственных проблем невпроворот. Одни колонии чего стоят!

Северо-Американские Соединенные штаты? Эти могли бы вполне. Они падки на все самое передовое.

Пожалуй, способна еще Германия. Со времен крестовых походов эта нация была первой в ратном деле.

Глава 7

К ДЕЛУ О КРАЖЕ В ПРОМЫШЛЕННОМ БАНКЕ

В «Московских ведомостях», там, где обычно печаталась уголовная хроника, было помещено небольшое объявление:

«Сегодня Окружной суд приступает к рассмотрению дела о краже, совершенной в Императорском Промышленном банке.

Начнется заседание суда в 10 часов утра.

Судебное следствие будет происходить в следующем порядке:

– картина и следы преступления;

– обнаружение виновности подсудимого г. Родионова С.Н. по заявлению прокурора г. Злобина И.П.;

– допрос свидетелей защитой в лице присяжного поверенного г. Скрипицына С.А.;

– вердикт присяжных заседателей.

Заседание будет продолжаться до 10 часов вечера с небольшими перерывами на обед и чай для членов суда и присяжных заседателей, после чего, в случае незавершения судебного следствия, будет объявлен перерыв до 10 часов утра следующего дня».

Сколько народу толпилось год назад у центрального входа здания Окружного суда, когда слушалось дело маниака-некрофила Феофилакта Коковцева, осквернителя могил?

Яблоку негде было упасть!

Обер-полицеймейстер был вынужден самолично следить за порядком и благочинием у знаменитого здания и даже вызвал конный наряд полиции, дабы избежать возможных беспорядков. И вход в судебную залу осуществлялся строго по печатным билетам, достать которые было труднее, нежели на мировой чемпионат по греко-римской борьбе с участием Ивана Поддубного и Ивана Заикина.

А какая ажитация среди публики была в зале, когда в ходе судебного следствия обнаружилось, что Феофилакт Коковцев осквернял могилы в течение восьми полных лет! Особенно когда было выявлено восемьдесят четыре факта вскрытия свежих могил Коковцевым, который затем совершал противуестественное соитие с покойными лицами женского полу, не гнушаясь и весьма престарелых особ восьмидесяти с лишком лет и оглашая территорию кладбища звериными рыками во время кульминации своих гнусных деяний.

То-то и оно!

А дело Зинаиды Завьяловой-Лопухиной? Сия минерва и фурия резала направо и налево самых красивых девиц города только потому, что они могли быть потенциальными невестами красавца князя Мамонова, которого, как оказалось позднее, тайно и до сумасшествия любила. Прирезала она насмерть и действительную невесту князя, с которой он был помолвлен, княжну Еропкину. Орудовала Завьялова-Лопухина в городе целых восемь месяцев, и ежели бы не удачная полицейская операция по поимке преступницы, убивица продолжала бы изничтожать самых хорошеньких и богатых московских девиц, одна терроризируя весь город...

Когда начались судебные слушания по ее делу и преступницу привезли в коляске к зданию Окружного суда, собравшаяся толпа едва не разорвала ее в куски. Жандармам едва удалось отстоять Завьялову-Лопухину от разъяренных людей, но все же кому-то удалось повредить ей левый глаз, который к окончанию первого дня судебного следствия понемногу вытек. Когда, после десятидневного лечения Завьяловой-Лопухиной, судебные слушания продолжились, жандармам, чтобы дать пройти подсудимой, пришлось организовывать живой коридор из нижних жандармских чинов, – настолько много публики собралось возле здания Окружного суда лишь только для того, чтобы посмотреть на погубительницу семнадцати девических душ и плюнуть в ее сторону.

В конечном итоге она была признана душевнобольной и вместо бессрочной каторги отправилась на принудительное лечение и проживание в желтый дом, кажись, куда-то в Казань. Тоже на бессрочное. Через одиннадцать лет Зинаида Завьялова-Лопухина тихо и мирно скончалась в собственной постели, упросив в последнюю минуту местного архиерея постригнуть ее в монашеский сан. И преставилась Богу в образе Христовой невесты под именем Феофилактыды.

Нынче же возле ампирного особняка стояла лишь небольшая кучка людей, среди которых можно было заметить Елизавету Петровну, законную супругу обвиняемого; Мамаю, старого товарища и дядьку Родионова, и еще пару-тройку людей, имеющих к Савелию Николаевичу прямое товарищеское прикосновение. Ни одного репортера, ни одного зеваки или празднотворца, посещающего судебные разбирательства вместо театра или ярмарочного балагана, замечено не было.

* * *

Здание Окружного суда, действительно, было славно и знаменито и обладало долгой историей.

Принадлежало оно, входя некогда в обширную городскую усадьбу, богатейшему домовладельцу и помещику князю Антону Всеволожскому. Потом у князя случилась большая любовь, требующая, как известно, неумных материальных затрат, и князь продал усадьбу одному отставному корнету, который, ни много ни мало, являлся внуком самой государыни императрицы Екатерины Великой и графа Григория Орлова. Звали корнета их сиятельством графом Василием Алексеевичем Бобринским. Жил он в сем доме почти безвыездно, находясь под неофициальным домашним арестом и под негласным надзором полиции не один годочек.

Лет через десять такой жизни граф Бобринский заскучал и отъехал в Санкт-Петербург, где ему казалось не в пример веселее («Москва, – дескать, – всего лишь большая деревня»). А купчую на его дом подписала внучка крепостного мужика и дочь крепостной наложницы княгиня Екатерина Гагарина, будучи до замужества Екатериной Семеновной Семеновой, знаменитой трагической актрисой Петербургского театра.

*Это о ней Пушкин писал:
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музы,
И славы русской луч погас?..*

После Семеновой-Гагариной в доме поселилась Провиантская комиссия, а затем вот уже более полувека владели домом прокурорские да судейские крючкотворы. Вот у какого славного здания Лизавета, Мамай и иные ждали, когда из Бутырок привезут сюда их мужа, хозяина и товарища Савелия Родионова, дабы свидеться и перекинуться с ним хотя бы парой-тройкой слов...

* * *

Наконец, из-за поворота выехала коляска с двумя жандармами по бокам и Родионовым посередке. Руки его были скованы. Напротив него сидел пристав в своем синем мундире, придерживая рукой саблю и не сводя взора со знаменитого маза-медвежатника.

Доехав до судебного крыльца, пассажиры коляски вышли, и Савелий Николаевич оглянулся. У Елизаветы едва не подкосились ноги, когда их взгляды встретились. Впрочем, как быть им и жить дальше – все было обговорено в деталях ранее, когда Лиза приходила к Родио-

нову на «свиданки». Да и Мамай был рядышком – хватанул покачнувшуюся Лизавету за локоть и удержал.

Зал судебного заседания был пуст. Ну, или почти пуст, потому как рассчитан был человек на триста, а сидело в нем около тридцати человек. Вместе с присяжными, которые покудова кучками сидели в секторе публики. На хорах и вовсе никого не было.

Родионова из действующих лиц судебного процесса ввели первым. При его появлении будущие присяжные зашушукались, а кое-кто и привстал, чтобы получше разглядеть подсудимого.

Его провели за решетку, отделяющую место подсудимого от остального зала, и рядом с ним встал жандарм с саблей наголо. Второй жандарм и полицейский пристав присели неподалеку. Для порядку.

Вошли председатель с двумя членами суда, свидетели, обвинитель и защитник Арнольдич. Последний был хмур и, кажется, небрит, что говорило о длинном ночном сидении над делом и коротком сне, после которого времени на бритье уже не оставалось.

В первом ряду сидел генерал Аристов. После его знакомства с содержанием похищенных материалов он пришел к убеждению, что Савелий Родионов не знал, какой ценности документ крадет. А может, и вовсе не подозревал о его существовании. Более того, вполне возможно, что его просто подставили, опустошив сейф загодя и желая свалить на него похищение секретных документов. «Но вот кто это все подстроил?» – не давала графу покоя одна и та же мысль.

– Ваш чин, возраст, семейное положение? – вывел Григория Васильевича из раздумий голос судьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.